

АЛБИНА
НУРИ

УЖАС
БЕЗ КОНЦА'

Альбина Нури
Ужас без конца

«Автор»

2021

Нури А.

Ужас без конца / А. Нури — «Автор», 2021

«Ужас без конца» – это второй сборник мистических, страшных рассказов Альбины Нури. Здесь еще больше историй, в которых герои сталкиваются с жуткими, зловещими, необъяснимыми с точки зрения обычной логики вещами; попадают в кошмарные, выкручивающие мозг ситуации. Границы реального и потустороннего миров внезапно оказываются зыбкими и размытыми, и существа, обитающие на той стороне, готовы ворваться в привычную жизнь, пугая, сводя с ума, убивая всех, кому не повезло оказаться на их пути...

© Нури А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Вместо предисловия	5
По пути в Архангельское	6
Оракул	12
Дом на краю поля	20
Паразит	33
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Альбина Нури

Ужас без конца

Вместо предисловия

Вот мы и снова встретились, дорогой читатель! Перед вами – второй сборник мистических, страшных рассказов (первым было «Время кошмаров», почитайте, если вдруг еще не знакомы с этими историями!)

Рассказов здесь больше, а атмосфера, настроение, выбор тем остались прежними, и цель автора все еще состоит в том, чтобы хорошенько пощекотать ваши нервы.

Герои моих историй сталкиваются с жуткими, зловещими, необъяснимыми с точки зрения обычной логики вещами; попадают в кошмарные, выкручивающие мозг ситуации. Границы реального и потустороннего миров внезапно оказываются зыбкими и размытыми, и существа, обитающие на *той* стороне, готовы ворваться в привычную жизнь, пугая, сводя с ума, убивая всех, кому не повезло оказаться на их пути...

Скажу еще, что коллекция моих страшных историй постоянно пополняется (так что этот сборник далеко не последний), я читаю свои рассказы на YouTube канале «Альбина Нури» – заходите на огонек!

По пути в Архангельское

– Ты готова умереть? – громко проговорил ей на ухо мужской голос.

Маша вздрогнула и открыла глаза.

Тело затекло от долгого сидения, шея была словно деревянная. Она неловко пошевелилась, пытаясь сесть поудобнее, вытянуть ноги, и повернулась к брату. Шея при этом отозвалась болью.

– Выспалась немного? – спросил Гена, на секунду оторвав взгляд от дороги.

– Который час? – вопросом на вопрос ответила Маша и по привычке потянулась к телефону, но вспомнила, что тот разрядился еще несколько часов назад.

«Говорила же, надо список вещей писать, чтобы все взять!» – мысленно укорила она Гену, который забыл дома автомобильную зарядку для телефона.

Брат слегка дернул углом рта – он всегда так делал, если нервничал.

– Мой сотовый тоже разрядился. Не знаю, что такое. Утром сто процентов было, он всегда нормально зарядку держал. А сейчас смотрю – не включается.

Наручные часы ни Маша, ни Гена (как и многие люди в наши дни) не носили, а автомобильные сломались задолго до того, как они поехали к тетке.

– Отлично, – пробормотала Маша. – Значит, мы не знаем, сколько сейчас.

– Да какая разница? Тебя что, на проходной караулят с секундомером? – Гена хотел, чтобы это прозвучало весело, но вышло язвительно, и Маша мигом вышла из себя.

– Ой, какой у нас тонкий юмор! Обхохочешься! Я даже не знаю, что смешнее: вздумать поехать на машине вместо того, чтобы отправиться поездом? Или решить сократить дорогу и оказаться хрен знает где? Или...

– Маш, ну, хватит, а? Лежачего не бьют. Я ведь уже сказал, что виноват.

Злость на брата мгновенно прошла, и Маше стало неудобно за свою вспышку. Они были очень близки, как это часто бывает с двойняшками, и ссорились исключительно редко, потому, наверное, что чувствовали боль и обиду другого, как свою собственную.

Да и потом, Маша и сама не хотела поездом, не любила в них ездить. На купе денег было жалко, а в плацкарте такие сквозняки, так сифонит из окон, что Маша с ее склонностью простужаться точно слегла бы с температурой.

– Прости, – покаянно сказала она. – Ты хотел как лучше. Мне просто сон дурной приснился, видимо, вот я и завелась. Представляешь, как будто кто-то сказал, что я скоро умру... или что-то в этом роде.

– Бывает, Машуль. Наверное, просто сидела нехорошо, неудобно, вот мозг и дал сигнал проснуться. – Гена протянул руку и потрепал ее по колену. – Не переживай, сестричка, проремся. Думаю, сейчас около одиннадцати. Или даже меньше, темнеет-то рано. Скоро, если верить карте, будет Архангельское – то ли городишко, то ли поселок. Переночуем там, завтра к обеду будем у тети Вали. А обратно, честное пионерское, поедем другой дорогой!

Маша посмотрела в окно, но ничего снаружи не увидела. Темнота была непроницаемой: ни фонарей вдоль обочины, ни огонька вдалеке.

Автомобильные фары уверенно рассекали тьму, дорога (хорошо еще, что заасфальтированная!) вводила вперед, а по обе стороны ее высился лес. Голые деревья стояли плотным строем, покрытые толстым слоем январского снега.

Послезавтра Рождество. Тетя Валя, мамина младшая сестра, которая вырастила Машу и Гену после смерти их родителей, постоянно звала племянников приехать, но они все не могли выбрать время, совместить графики отпусков.

В какой-то момент тетя Валя замолчала, перестала приглашать, и в этом молчании чувствовалось нехорошее: не то обида, не то обреченность. Брат и сестра в один из дней одновременно (они часто думали одинаково) поняли: нельзя тянуть, по-скотски это и неправильно.

Собрались спонтанно и поехали. Решили сделать сюрприз.

– До чего же безлюдно тут, – сказала Маша. Сердце ныло, как от дурного предчувствия. – Владимирская область, а такое впечатление, что глухая дальневосточная тайга.

– Да брось, – неуверенно сказал Гена.

– Ты когда в последний раз хоть какой-то населенный пункт видел?

– На карте тоже ничего не обозначено!

– На твоей карте только города и более-менее крупные поселки. Но должны же быть мелкие деревушки, отдельные дома, полустанки. И станции заправочные. Вот если у нас бензин кончится, что тогда?

Гена посмотрел на сестру. Они были похожи: рыжеватые волосы, карие глаза, упрямые подбородки, веснушки на носу, которые Маша маскировала тональным кремом. Она в который раз порадовалась, что у нее есть брат: умный, добрый. А то была бы совсем одна на свете после смерти Марата.

«Ты готова умереть?» – вот что она услышала, когда спала, вспомнилось Маше.

Смерть всегда ходила рядом, сужая круги. Сначала погибли родители – вот так же ехали по дороге и попали в аварию. Потом Марат разбился на мотоцикле через год после свадьбы. И всегда смерть подстерегала в пути.

«А если теперь наш с Геной черед?»

Мысль была пугающей, и Маша поспешно прогнала ее.

– Бензин у меня есть, взял две канистры на всякий случай, – успокоил сестру Гена. – Да и в Архангельском точно будет заправка, не беспокойся.

Брат снова отвернулся, сосредоточившись на дороге.

– Как-то это ненормально, что машин нет. – Маша внезапно осознала, что давно уже не видела ни встречных, ни идущих на обгон, ни едущих впереди автомобилей. – Такое ощущение, что мы одни на этой дороге. А если там ремонт, поэтому никто не...

– Не было же знака про ремонт дороги, так что...

Ни Гена, ни Маша не закончили фразы.

От того, что они увидели, слова застряли в глотке, как кусок непрожеванного хлеба.

Впереди, в свете фар, прямо посреди дороги стоял человек в черном балахоне. Голова его была чуть опущена, так что капюшон скрывал лицо. Машина была еще далеко, о столкновении речь не шла, они запросто успевали объехать незнакомца, но Гена инстинктивно сбросил скорость.

– Что за придурок?

– Откуда он тут взялся?

Брат и сестра переглянулись.

Человек стоял неподвижно.

Гена посигналил.

– Уйди с дороги!

– Может, рядом авария была? – предположила Маша.

– Где? Никаких машин поблизости, – сквозь зубы проговорил Гена.

Они все приближались к стоящему, и Маша почувствовала, что вид недвижимой фигуры в черной хламиде и капюшоне наводит на нее ужас.

Даже если это просто местный житель, даже если ему холодно и он, стоя посреди дороги, таким образом просит, чтобы его подвезли, – плевать!

Они не остановятся. Нельзя останавливаться!

Маша покосилась на брата, который, кажется, чувствовал то же самое, потому что сжал челюсти и приготовился объехать мужчину.

Но это не потребовалось.

Черная фигура посторонилась, уйдя прочь, освобождая машине путь.

Автомобиль проехал мимо. Маша и Гена смотрели на стоящего на обочине человека, лица которого так и не удалось разглядеть.

– Фу ты, черт, – выругался Гена. – Дурачок деревенский, наверное. Нацепил монашеские тряпки и выперся на дорогу.

Но по голосу его Маша понимала, как сильно тот напуган. И знала, что брат, как и она сама, не считает, что это чокнутый сельский житель. Тут и сел-то никаких нет.

– Ты видел, как он шел? – напряженно спросила Маша. – Как будто не шел, а плыл по воздуху.

– Не говори ерунды! Его ряса ноги скрывает, поэтому так показалось.

Ага, значит, и Гена заметил.

– Дай воды, – попросила она.

Брат потянулся за бутылкой, и тут Маша, которая смотрела в его сторону, завопила от ужаса, глядя на боковое окно. Гена выронил бутылку, посмотрел туда же, куда и сестра, и тоже вскрикнул.

За стеклом плыло лицо.

Белое, бескровное, с глазами, обведенными красными кругами, оно больше не было скрыто капюшоном. Незнакомец, который стоял на дороге, которого они оставили позади, непостижимым образом увязался за ними.

– Тише, тише, успокойся! – Гена схватил Машу за руку, второй рукой вцепившись в руль. – Окно закрыто! Оно сюда не проберется!

– Что это за тварь? – Маша плакала, закрыв лицо ладонями, боясь повернуть голову.

– Понятия не имею! Маша, послушай меня, все будет хорошо!

Существо в черном по-прежнему маячило за окном.

Гена прибавил скорость, но оно не отставало.

– Хорошо, – сквозь зубы проговорил Гена и еще сильнее вдавил педаль газа.

Теперь они мчались со скоростью сто тридцать километров в час. Ночью, зимой, на незнакомой дороге это было самоубийственно, опасно.

– Мы разобьемся! – простионала Маша.

Но самое страшное, что преследующая их тварь ничуть не отстала, по-видимому, обладая способностью передвигаться с любой скоростью.

Поняв, что оторваться не удастся, а вот вылететь с дороги и врезаться в дерево можно запросто, Гена чуть сбавил скорость.

– Что ему нужно? – Машу била дрожь. Руки были ледяными, а лицо, наоборот, горело.

Гена неожиданно повернул голову вправо и выкрикнул:

– Отвяжись от нас! Отстань, сволочь! Иди... – Он грубо выругался, хотя почти никогда не матерился.

Существо за окном растянуло в ухмылке тонкие губы и, точно послушавшись, резко отпрянуло от машины. Секунда – и снаружи никого больше не было; только стоящие вдоль трассы деревья проносились мимо.

Несколько минут Гена и Маша молчали, не в силах выдать ни слова. Потом она сказала:

– Я больше никогда никуда не поеду ночью. И никогда в жизни не разрешу тебе съехать со знакомой дороги. Если ты попробуешь об этом заикнуться, я тебя убью.

– Узнаю мою милую, добрую сестричку, – хриловато проговорил Гена.

Понемногу успокаиваясь, они переводили дыхание, пытаясь осмыслить, что с ними произошло.

– Может, такое случается, когда долго едешь? – неуверенно сказала Маша. – Начинает разное чудиться от перенапряжения.

– Ага, обоим одно и то же почудилось? Помнишь, как в мультике: только гриппом вместе болеют, а с ума поодиночке сходят. – Гена нахмурился. – Это нечисть какая-то. Они, говорят, мата не выносят: я выругался – тварь отстала.

– Как отстала, так и догонит, – пробормотала Маша, глядя прямо перед собой, боясь повернуть голову и увидеть белое лицо, плывущее во мраке.

– Не догонит! – Облегчение в голосе Гены было таким отчетливым, что Маша сразу поверила: все кончилось, все будет хорошо! – Вон, указатель впереди! Что написано?

– Архангельское, – послушно прочитала Маша и улыбнулась.

– Считай, приехали!

Архангельское вывернулось из-за ближайшего поворота, и Маша поверила, что неприятности остались позади. Автомобиль ехал по улице, вдоль которой стояли одно- и двухэтажные строения.

Кое-где тускло горели фонари, окна некоторых домов светились болезненным желтоватым светом. Промелькнула вывеска «Магазин 24 часа», рядом находилось «Кафе-бистро»; надпись «Аптека» испускала призрачно-зеленое сияние, а через несколько метров располагалась «Парикмахерская «Фея».

Небольшой городишко, затерянный среди лесов и полей средней полосы, скорее всего, доживал последние годы. Молодежь, небось, разбегалась кто куда в поисках лучшей доли, а коротающие свой печальный век старики скоро окажутся на погосте, мимо которого, кстати, брат с сестрой тоже проехали.

– Кладбище чуть ли не в центре, – покачал головой Гена. – Креативно.

Не слишком веселое местечко, подумалось Маше, но, во всяком случае, находится здесь намного лучше, чем на ночной дороге, рядом с тем, что на ней обитает.

Народу на улицах не было, но это и не удивительно, учитывая поздний час. Все сидят по домам, в тепле. Пора бы и им найти, где преклонить голову.

– Надо где-то переночевать, – сказал Гена. Как это часто бывало, он словно бы подслушал мысли сестры. – Вон там заправка, видишь? Дольем бензин и заодно спросим, где тут гостиница или гостевой дом какой-нибудь. А может, прямо у них есть комнаты, чтобы переночевать.

Гена говорил много и возбужденно: радовался, что все обошлось, а жизнь снова обрастает приметам «нормальности»: магазин, гостиница, дома и жители, что сидят в них, как улитки в раковинах.

Заправка, на которой не было ни людей, ни машин, была ярко освещена. Автомобиль остановился, и Маша поспешно выбралась наружу, услышав, как хлопнула дверь с Гениной стороны.

– Спина сейчас отвалится! – сказал он.

Маша потопталась на месте, разминая ноги. Какое наслаждение стоять на земле, а не ехать в тесной железной коробке.

Они пошли к двери, за которой был маленький магазинчик. Гена открыл ее, на них пахло теплом и запахом кофе. Где-то в глубине помещения играла негромкая музыка: Селин Дион пела песню из «Титаника».

Колокольчик над входной дверью звякнул, но никто не вышел встретить посетителей. Правда, из подсобки раздался женский голос:

– Минуточку, пожалуйста! Я сейчас.

Голос показался Маше смутно знакомым, но она не могла вспомнить, напоминает ли он голос кого-то из подруг, коллег или какой-то актрисы?

– Давай поесть купим. – Гена окинул голодным взглядом шоколадки, печенье, чипсы и скучавшую на поддонах выпечку: булочки, рулеты с маком.

Маша согласно кивнула и хотела уже заметить, что у них тут, наверное, карты не принимают, как из подсобного помещения вышла женщина. На ней было серо-синее форменное платье с белым воротничком, каштановые волосы уложены в высокую прическу.

– Доброй ночи, – поздоровалась она. – Поздновато вы путешествуете.

Маша и Гена стояли и смотрели на нее с совершенно одинаковым выражением потрясения на лицах.

– В чем дело? Почему вы так на меня смотрите, молодые люди?

Гена сумел взять себя в руки, откашлялся и проговорил:

– Простите, вы просто очень похожи на...

– Тетя Валя? – выговорила Маша. – Как ты тут оказалась?

Воцарилась тишина.

– Простите? – переспросила женщина. – Как вы сказали?

– Моя сестра имела в виду, что вы очень напоминаете нашу тетю. Мы как раз к ней сейчас едем.

Гена обнял Машу за плечи.

– Просто одно лицо, – глухо проговорила она.

Женщина засмеялась.

– Меня вечно с кем только ни путают. Просто наказание какое-то! А вы слышали теорию о том, что у каждого на планете есть двойник? Видимо, я двойник вашей тетушки.

Маша почувствовала, что понемногу успокаивается. Что она, в самом деле? Если подумать, эта женщина выглядит моложе тети, да и прическа другая: тетя Валя сейчас стрижется очень коротко.

– Простите, перенервничала в дороге, – смущенно проговорила Маша. – Мы хотели бы купить кое-что, заправить машину...

– А главное, узнать, где можно остановиться на ночь, – договорил Гена.

– С этим никаких проблем. В городе есть небольшая частная гостиница, ее держат муж с женой, замечательные люди. Сейчас я им позвоню и скажу, что есть желающие разместиться. Кто-то из них придет за вами, чтобы вы не заблудились в темноте. Хотя это совсем рядом, если знать дорогу.

В подтверждение своих слов женщина немедленно позвонила в гостиницу.

– Все в порядке, они сейчас придут, а вы пока скажите мне, что хотите купить.

– Что будешь есть? – спросил Гена.

– То же, что и ты, купи на свой вкус, – ответила Маша.

За дверью послышались шаги, и она обернулась, думая, что это кто-то из хозяев гостиницы, но в магазин вошел молодой мужчина в комбинезоне.

– А вот и наш заправщик, – весело проговорила продавщица.

Маша взглянула на него, и сердце ее пропустило удар. Она прижала руки ко рту, чтобы сдержать рвущийся наружу крик.

– Это что, шутка какая-то? – слабым голосом спросил Гена.

Хотя увиденное могло быть чем угодно, только не шуткой.

Ночным кошмаром. Галлюцинацией. Порождением больного мозга.

Но пошутить так никто не мог.

Человек, что стоял перед ними, уже несколько лет покоился в могиле за шестьсот километров отсюда. Маша сама сложила его руки крест-накрест на груди, в последний раз поцеловала холодные губы.

Теперь эти руки упирались в бока, а губы улыбались.

Перед ними был Марат, Машин покойный муж.

– Это что, тоже двойник? – Она сама удивилась спокойствию своего голоса.

Гена прижал сестру к себе в извечной попытке уберечь, защитить.

Мужчина и женщина переглянулись и засмеялись, словно Маша выдала удачную остроту.
– Что здесь происходит? – беспомощно проговорил Гена, а в магазин между тем вошли новые посетители.

Почти уже не удивившись, Маша узнала родителей.

– А вот и владельцы гостиницы, – возвестила продавщица. – Устроитесь с комфортом, уверяю вас.

– Мы очень рады, что вы приехали, – сказала «мама».

– Вам у нас понравится, – вторил ей «отец».

Гена и Маша взялись за руки, будто снова стали детьми.

– Идем отсюда, быстро! – Он потянул сестру к двери.

Никто не попытался задержать их. Мертвые родственники смотрели им вслед, улыбки на знакомых лицах были не то сочувственными, не то злорадными.

Спустившись с крыльца, Маша с Геной хотели бежать к машине, но тут увидели, что все кругом изменилось. Не было ни улицы, ни зданий на другой ее стороне, ни асфальта, ни заправочных колонок. Да и машина пропала.

Они стояли среди могил: их окружали кресты и надгробия.

– Архангельское – город мертвых, а не живых. Это кладбище, – раздался за их спинами голос покойного Машиного мужа.

Брат с сестрой обернулись. Здание магазина – призрачный островок бывшего мира – пока еще оставалось прежним. Свет лился из больших окон, и в этом свете отчетливо видны были надписи на могильных камнях.

Маша увидела памятник Марата, кресты на могилах родителей, а совсем рядом...

– Тетя Валя, – выдохнул Гена. – Боже мой, как же так!

– Сегодня уже третий день, племяннички. Опоздали вы, – проговорила тетя Валя. – Но ничего, не страшно. Это вы ко мне к живой опоздали. А теперь вместе будем.

Маша затравленно поглядела на тетку.

– Мы живы! – выкрикнул Гена.

Тетя Валя и мама переглянулись, а отец сказал:

– Вы ведь его видели?

Маша сразу поняла, о ком он, но Гена не был готов так быстро сдаться:

– Кого? Нам все это просто кажется! Мы, наверное, спим...

– Не буду говорить о вечном сне – это слишком банально, – отозвался Марат. – Но ты и вправду заснул за рулем. Машина догорает на обочине. Вокруг суетятся пожарные, приехали полиция и скорая. Водителя и пассажирку кое-как вытащили: извини, дружище, но твой обгоревший труп пришлось доставать по частям – иначе никак.

Гена прижал ладони к ушам и закричал. Маша, прикусив губу, смотрела на мертвецов, стоявших внутри магазина.

– Он уже приходил за вами. И скоро придет снова, я слышу его поступь, – сказала мама. – Никому еще не удавалось убежать от Проводника.

Гена и Маша прижались друг к другу, все еще отказываясь верить.

– Нужно смириться, – сказал Марат, улыбаясь жене. – Тогда переход будет легче.

Отец вскинула руку, указывая на что-то.

– Он идет.

Через кладбище в их сторону двигалась знакомая высокая фигура. Черный балахон, капюшон, скрывающий бледное лицо...

– Пора, – сказала тетя Валя и погасила свет.

Архангельское погрузилось в темноту.

Оракул

Мальчишке было лет восемь, выглядел он как самый настоящий малолетний преступник: мерзкие лохмотья с чужого плеча, чумазое лицо, грязные волосы и руки. Сомов так и сказал ему, когда тот принялся кланяться у него мелочь:

– Отстань, шпана! А то полицию вызову!

Но нахальный пацан не отставал, шел за Сомовым с протянутой рукой и ныл:

– Дяденька, есть очень хочется!

Сомов был сегодня раздражен даже больше, чем обычно. Работы навалилось столько, что он не успел сходить на обед в привычное время, а когда пришел в кафе, то выяснилось, что прожорливые сотрудники офисов, расположенных в бизнес-центре «Лето», успели смести все самое вкусное, оставив голодному Сомову жареную рыбу и вареники, которые он терпеть не мог.

Отчитав кассира и администратора, Сомов немного сбросил пар, однако голод таким образом не утолишь, и ему пришлось выйти на улицу, взять кофе, картошку фри и гамбургер в вагончике под названием «ВкусноДень». Там и правда было вкусно, и, хотя Сомов и не жаловал еду на вынос, иногда все же делал исключения.

Взяв бумажный пакет, Сомов направился к зданию бизнес-центра, вот тут-то за ним и увязался наглый бродяжка. Сомов видел его не в первый раз, пацаненок часто здесь околачивался, наверное, жил поблизости.

И куда только родители смотрят?

– Пошел прочь! – рявкнул Сомов, и мальчишка, который все вертелся у него под ногами, споткнулся с перепугу и полетел на землю прямо перед ним.

Мужчина неловко замахал руками и выронил пакет. Тот упал в грязь и испачкался с одного края. Сомов быстро схватил пакет, пока содержимое не пострадало, и следующие секунды взбешенный Сомов и попрошайка смотрели друг на друга. Мальчишка так и лежал на земле, втянув голову в плечи, ожидая удара или пинка.

– Вадим Васильевич! – раздался мужской голос.

Сомов обернулся и увидел, что на ступеньках бизнес-центра стоит шеф. Судя по всему, только что приехал, вышел из машины – водитель ее и припарковать не успел. Сомов зыркнул на мальчишку, в сердцах швырнул ему пакет с едой и прошипел:

– Жри, сволочь! – А после, понимая, что пообедать так и не сумеет, направился к шефу, который его ждал.

Сомов работал начальником отдела в аудиторской фирме. На работе его ценили – один из лучших сотрудников, если не самый лучший: внимательный, въедливый, не делающий ошибок и не прощающий их другим, невозмутимый, как удав, безжалостный, как бензопила.

Ценить ценили, но не любили, причем ровно за те же качества. Сомов знал, что за глаза коллеги звали его «Кощеем», предпочитая с ним не связываться и по возможности не общаться.

Лысый, худощавый, с пронзительными черными глазами и узким, как щель почтового ящика, ртом, он наводил ужас на нерадивых бухгалтеров, стажеров и коллег.

С работы Сомов ушел, как это часто бывало, одним из последних. Окинув придирчивым взглядом идеально прибранный письменный стол, погасил свет и вышел из кабинета. Вызванное такси уже ждало его: на метро ехать не хотелось, а машину Сомов позавчера сдал в ремонт.

Таксист попытался было втянуть его в разговор, но умолк, остановленный резким замечанием пассажира. Добрались быстро: пробок уже не было. Пока ехали, Сомов, чтобы не терять времени даром, позвонил в службу доставки любимого ресторана и заказал ужин. Готовить желания не было, день выдался слишком тяжелым.

Придя домой, он сбросил обувь, аккуратно повесил пальто на плечики и сразу пошел в ванную смыть с себя нервный, напряженный день. Горячая вода всегда его расслабляла, а запах кокосового геля для душа настраивал на более благодушный лад.

Поэтому, выйдя из ванной и забрав у подоспевшего с доставкой юноши свой ужин, Сомов был в почти хорошем настроении. А это значило, что хотя на чай Сомов ничего разносчику не дал, но и не отругал за опоздание на две минуты и не позвонил с жалобой его начальству, а ограничился лишь вполне беззлобным замечанием.

Пужинать Сомов решил за компьютером, который стоял в спальне. Телевизор не смотрел много лет, и отдушиной, собеседником, а вместе с тем полем его личной битвы был Ютуб.

Сомов был подписан на несколько десятков каналов, но не столько смотрел их, сколько вступал в полемику с авторами и другими пользователями. В глубине души понимал, что это сродни зависимости, но иного, столь же эффективного способа снять напряжение не знал. Алкоголь его организм хронически не переносил – после первой же рюмки начинало тошнить, о наркотиках или лекарствах Сомов даже и не думал, хобби не имел, а женщины... С женщинами тоже не ладилось.

Так что оставалось изливать желчь в Сети. Потоки возмущения Сомова могло вызвать все что угодно: недостаточно, по его мнению, умный, честный или развернутый ответ на вопрос интервьюера, рекламная интеграция, несоответствующее теме ролика название, неправильно поставленное ударение, безвкусный костюм или прическа ведущего и прочее, и прочее.

Выступал он под ником «Бессмертный» (раз уж зовут Кощеем на работе, то пусть будет такая параллель) и был, наверное, постоянной головной болью авторов каналов. Время от времени его отправляли в бан, но Бессмертный на то и Бессмертный, чтобы воскресать при помощи новых аккаунтов.

В основном Сомов предпочитал политические и туристические каналы, те, где выходили интервью с известными людьми (там можно было оттянуться и на ведущих, и на гостях), а в последнее время увлекся каналами страшных историй.

На Ютубе таких десятки, и Сомову нравилось щекотать нервы, слушая жуткие рассказы, а потом, с не меньшим наслаждением, ругать авторов за допущенные ошибки, неверные интонации, плохой голос, неудачный финал – всегда находилось, что поставить в укор.

Лучше всего, если автор не игнорировал, а принимался с ним спорить – тут уж Сомов расправлял плечи и бросался в атаку, не оставляя от нерадивого чтеца мокрого места.

Сегодня, покончив с салатом, картофелем и мясом, Сомов приступил к десерту и зашел на канал со страшными историями, откуда ему пришло уведомление о новом видео. Однако, начав слушать, понял, что это вовсе никакая не история. Автор канала предлагал слушателям сыграть в игру с мистическим Оракулом, который все про всех знает и скажет, чего тебе не хватает в данный момент, что нужно сделать, чтобы достичь цели.

Тем, кто не испугается беседы с Оракулом, предлагалось перейти по ссылке под роликом на сайт и действовать в соответствии с инструкцией.

Мнения в комментариях ожидаемо разделились. Одни пользователи писали, что надо быть дураком, чтобы верить в эту чушь, другие опасались вступить в диалог не пойми с кем, третьи боялись вовсе не мистического Оракула, а вполне реального вируса, который можно подцепить, перейдя на неизвестный сайт, зато рискнувшие захлебывались от восторга. Писали, что Оракул – настоящее чудо: советы давал верные, угадывал все с поразительной точностью.

Сомов озадачился и даже растерялся, что случалось с ним нечасто. Сначала хотел разразиться гневной отповедью: какого, мол, черта публикуете всякую ерунду, даже набрал на клавиатуре первые несколько слов, но потом что-то внутри него вдруг зануло. Даже сладкий до приторности ванильный кекс с клубникой показался горьким, как кора дуба.

Цели у Сомова, конечно, были, и те из них, что касались работы, карьеры, достигались сравнительно легко. А вот другие... Все чаще он наматывал круги по пустой, чистой до сте-

рильности квартире, и ему стоило больших трудов убедить себя, что он счастливый, состоявшийся, самодостаточный человек.

Одиночество давило, как могильная плита, и не было на всем белом свете человека, с которым хотелось бы просто сесть и поговорить по душам. Сомову было тридцать восемь, и каждый прожитый год увеличивал эту тяжесть.

Наверное, поэтому он и оглянуться не успел, и рационально все «за» и «против» не взвесил, как рука сама собой потянулась к мышке, а пальцы щелкнули по ней, открывая нужную ссылку.

Сомова перебросило на сайт. Мрачноватый дизайн, если честно: черный экран, а посередине – алый прямоугольник с черными же буквами: «Узнай свою судьбу».

Что ж, претенциозно, зато коротко и ясно, сразу понятно, что делать.

Сомов вздохнул и кликнул на прямоугольник. Немедленно высветилась новая надпись: «Запиши предсказание на диктофон. Оно прозвучит только один раз. Прослушать заново невозможно». Сомов послушно включил диктофон на мобильнике, поднес его поближе к колонке и нажал кнопку «Продолжить».

Зазвучала мелодия – жуткая, ни на что не похожая. Заунывная, зловещая, скрипучая и вместе с тем по-своему благозвучная. Какая-то неземная, что ли. Непонятно, что за музыкальный инструмент звучит: скрипка? Флейта? Арфа?

Сомов не разбирался в этом, но почувствовал, что по коже бегут мурашки. Он нервно облизнул губы, желая выключить музыку, однако она прекратилась сама. Что-то зашуршало, а потом грубый, лающий голос проговорил:

– Я приду перед рассветом. Если не вспомнишь хотя бы один свой бескорыстный поступок, я вырву твои глаза и язык, а после заберу твою душу.

Голос умолк. На экране снова возникла надпись «Оракул».

Сомов сидел, обливаясь потом, неотрывно глядя перед собой.

«Что это было?» – билось в голове.

Может, нажать еще раз? Но стоило ему так подумать, как на экране появилась надпись об ошибке 404. Нет, дескать, такого сайта, дорогой товарищ.

Увидев надпись, Сомов вскипел, и это придало сил. Развели! Его попросту развели, обманули, посмеялись над его наивностью! Сомов залпом, как водку, опрокинул в себя остывший фруктовый чай, отодвинул чашку и яростно защелкал мышкой, открывая канал.

Ролик про Оракула набрал уже несколько десятков тысяч просмотров. Комментарии сыпались, как смородина из дырявого ведра, в основном отзывы были хвалебными. Заказные! Как пить дать!

Сомов настроил кучу негативных откликов, на него в ответ нажились адепты Оракула, битва длилась минут сорок, а потом случилось странное.

Экран потемнел, затем на нем появилась серая рябь, а поверх нее высветилась надпись: «До рассвета – четыре часа сорок минут».

Сомов подскочил на стуле, отпрянув от монитора, и затравленно огляделся по сторонам. Надпись пропала так же внезапно, как и появилась. Перед ним снова была переписка под видео.

Но больше вступать в перепалку не хотелось. Что происходит в конце концов? Кто-то решил подшутить над ним? Сомов посмотрел на часы – половина первого ночи. Время-то как летит!

Завтра седьмое мая. Сомов быстро нашел в Интернете сайт с таблицей времени восходов и закатов, увидел, что начало рассвета будет в три часа сорок девять минут. То есть через четыре часа сорок минут, как и было написано.

Сомов встал со стула и прошелся по комнате, чувствуя, что к горлу подступает тошнота. Сходил на кухню, выпил стакан воды, такой ледяной, что зубы заломило. Боль немного привела его в чувство.

Никогда прежде он не верил в потустороннюю чушь, да и сейчас не будет! Он взрослый, умный человек с высшим образованием, а не какая-нибудь бабка деревенская или экзальтированная барышня. Просто что-то с компом, только и всего! Возможно, вирус все же словил, несмотря на антивирусную программу.

Сомов, кстати, слышал, что ставить антивирусники бесполезно, они не помогают. А еще слышал, что разработчики вирусов и создатели антивирусных программ – одни и те же люди. Сами придумывают вирусы, сами же от них защищают, деньги зарабатывают на доверчивом потребителе!

Замечая, как в груди закипает знакомое чувство раздражения, Сомов ощутил прилив сил. Боевое настроение ему нравилось куда больше, чем растерянность и страх перед неизведанным.

Чуть не бегом вернувшись в комнату, Сомов перезагрузил компьютер, намереваясь после этого скачать лечащую утилиту и почистить устройство от вредоносных программ. А после, конечно же, нужно будет написать в службу поддержки и высказать все, что он думает об антивируснике.

Однако делать этого не пришлось. Компьютер перезагрузился, и на мониторе появилось уже знакомое серое марево, поверх которого горела надпись: «До рассвета – четыре часа двадцать минут».

Отведенный ему срок стал еще короче.

Сомов тупо смотрел перед собой, стараясь сообразить, что делать. Страх заползал под кожу, создавалось ощущение, что он проглотил холодную лягушку, которая ворочалась теперь в районе желудка, норовя выпрыгнуть наружу.

Никакой мистики – в нее Сомов по-прежнему отказывался верить. Просто нужно узнать, кто и каким образом решил поиздеваться над ним, а после – наказать, разумеется.

– Спокойно, спокойно, – бормотал Сомов, усаживаясь на стул.

Первым делом следует написать автору канала. Найти его оказалось несложно: Сомов перешел по ссылке в одну из социальных сетей, отстучал сообщение в «личку».

Парня звали Антоном, ответил он быстро. Посоветовал сбавить тон и пояснил, что это обычная рекламная коллаборация, так что все вопросы – к владельцам сайта, на одной из страниц которого и находится игрушка под названием «Оракул».

«Что за сайт?» – спросил Сомов.

«Эзотерика, гадания и всякое такое. На той странице внизу все данные. После предсказания сразу можно заказать консультацию или помощь. На то и рассчитано», – последовал ответ.

Сомов попытался снова кликнуть на ссылку, чтобы попасть на нужную страницу, но система упорно выдавала сообщение об ошибке.

«Не могу войти, дайте прямую ссылку на поддержку сайта, – написал Сомов и скрепя сердце прибавил: – Пожалуйста».

Антон, видимо, решил, что перед ним клинический идиот, но ссылку дал и вышел из Сети.

Сомов немедленно перешел на сайт. Все было ровно так, как говорил автор канала с «ужасиками»; некие граждане предлагали магические услуги: снимали порчу и сглаз, гадали на картах Таро и занимались прочей ерундой. Сомов закрипел зубами – мошенники! С какой швалью приходится общаться! Ну, сейчас он выяснит, кто вздумал с ним шутки шутить!

Связь с оператором была круглосуточной. Сомов написал большое письмо, требуя объяснений и угрожая обратиться в полицию.

Ответ пришел быстро. Ему написали, что «Оракул» – это, действительно, их разработка, совершенно безобидная. Пользователю проигрывается одна из десяти мелодий, в основном классические произведения, ничего похожего на те звуки, которые описывал Сомов. Затем звучит один из двадцати вариантов текста вроде: «Вам лучше помириться с тем, кого вы оби-

дели» или «Человек, который вам дорог, ждет, чтобы вы сделали первый шаг», а далее – ненавязчивая реклама, предложение личной встречи с «Оракулом» для более предметной консультации. Никаких угроз и требований.

«Ничего подобного, – возмутился Сомов, – у меня все было иначе!»

Его попросили отправить звуковой файл, и он, чертыхаясь, прикрепил его к форме отправки.

Минуты через три ему ответили: «Вы отправили пустой файл».

– Как так? – вслух спросил Сомов и включил запись.

Морщась, прослушал музыку. Голос тоже был записан четко.

Он отправил все повторно, и на том конце ему ответили уже с нотками досады, считая за чокнутого: «Вы присылаете пустой файл. Никакой записи на нем нет! Если у вас остались какие-то претензии, напишите письменное заявление на имя нашего руководства».

К сообщению прилагался адрес электронной почты.

Но Сомов уже отчетливо понимал: тут что-то не вяжется. Не стали бы они врать – зачем им? Он и сам видел, что это обычная фирмочка, разводящая суеверных граждан на деньги, в Сети таких сотни, разыгрывать людей – не их профиль. Похоже, они и в самом деле не думали его пугать, никаких звуков на записи вправду не слышали.

Теперь вопрос: а кто-то вообще может их слышать? Или только он, Сомов? Надо срочно проверить! Но к кому обратиться глухой ночью? Друзей нет, перед коллегами не хватало еще позориться, родные...

Не надо сейчас о родных.

Сомов схватил телефон с записанным на диктофон файлом и выскочил на лестничную клетку. В соседней квартире жил Валерий Викторович. Сомов не общался ни с кем из жильцов, но с этим хотя бы здоровался.

Старик открыл быстро и заспанным не казался.

– В курсе, который час? Что случилось?

– Простите за поздний визит, – отрывисто проговорил Сомов. – Окажите мне услугу, прошу вас.

– Услугу тебе? А ты зачем на меня пожаловался, что у меня из квартиры кошачьей мочой воняет? – сердито буркнул Валерий Викторович. – У меня, между прочим, и кошек-то нету.

Сомов мысленно чертыхнулся. Было дело. Однажды ему показалось, что на лестнице неприятно пахнет, и он решил, что источник запаха – пожилой сосед. У стариков же вечно миллион кошек, разве не так?

– Прошу прощения. Ошибся, – неохотно ответил Сомов. – Значит, не можете?

Старик пожевал губами.

– Не все такие сухари, как ты, – ответил он наконец, и в прежние времена Сомов не спустил бы ему оскорбление, но сейчас зависел от противного старикашки, а потому стерпел. – Так что стряслось?

– Послушайте запись и скажите, что слышите.

Сосед снова пошамкал ртом и удивленно посмотрел на Сомова, желая убедиться, что тот говорит серьезно.

– Ну, включай, что ли.

Через несколько минут Сомов снова был у себя в квартире. Швырнул телефон на стол, потер ладони друг о друга.

Старик не врал: он ничего не слышал, как ни старался. Такое не сыграешь. Сомов в который раз, морщась, вслушивался в жутковатый мотив и идущие следом слова, сосед же недоуменно смотрел на него, а потом спросил:

– Когда начнется-то?

Заподозрить старика в сговоре было совсем уж фантастической идеей. Да и кто мог знать, что Сомов решит обратиться именно к нему?

Выходит, нужно принять как данность: никто, кроме Сомова, ничего не слышит. А это значит...

– Что это, к чертям собачьим, значит? – заорал он, не в силах сдерживаться, подлетел к компьютеру, намереваясь выключить его.

Никогда больше ничего – ни Ютуба, ни каналов страшных историй! Ни одного комментария нигде не составит, ни по одной ссылке не перейдет! Книги будет читать и спутниковое телевидение смотреть, а компьютер только для работы станет использовать!

Сомов нажал на «Завершение работы», агрегат послушно выключился. Сомов еще и под стол залез, чтобы «Пилот» выключить, надавив на оранжевую «лапку». Все.

Вылез из-под стола и обомлел. Прижав ладони ко рту, смотрел на надпись, которая полыхала посреди монитора: «До рассвета – три часа пять минут».

Точно такая же надпись была на экране телевизора, что стоял в гостиной, куда Сомов выбежал, словно за ним гналась свора гончих.

– Мама, – прошептал он, чувствуя, что сердце вот-вот остановится.

Это было впервые за последние восемь лет, когда Сомов о ней вспомнил. Первый раз, когда позвал.

Родился он в крохотной деревушке, далеко от столицы, куда перебрался после окончания финансово-экономического института. Город, где находился институт, был в трехстах километрах от деревни, и во время учебы Сомов навещал родителей редко, а уж когда уехал в столицу, вовсе носа не казал.

Были они хорошими людьми, но очень уж простыми и неотесанными. Единственного сына, позднего, желанного ребенка, любили преданной любовью, гордились им безмерно, хотя слегка побаивались его крутого нрава.

В последний раз Сомов был в родных краях, когда приезжал на похороны отца. Поразился, увидев, как сдала мать: спина согнутая, в волосах седина, черная кофта подчеркивает восковую желтизну кожи.

Соседи и пришедшие на похороны родственники были похожи на нее: плохо одетые, помятые, неприкаянные. Мать все время плакала, пыталась обнять сына, а ему казалось, что от той пахнет старостью, бедностью, поминальным супом и еще чем-то неприятным, и он старался увернуться от объятий.

Находиться в доме, который весь покосился, присел, припав к земле, было невыносимо. Они с родителями давно стали чужими людьми, а теперь Сомов ясно видел: пропасть между ним и матерью стала непреодолимой. Что могла деревенская старуха, которая мир видела только по Первому каналу и даже об Интернете имела весьма смутное понятие, знать о его жизни, работе, делах? О чем им говорить? На каком языке общаться?

Словом, Сомов сбежал на второй же день. Сунул матери в руки денег, отдал все, что у него было, отговорился срочной работой и уехал, стараясь не замечать собачьего взгляда заплаканных глаз.

Втайне он решил для себя, что осиротел. Похоронил мать вместе с отцом. Отсек их обоих от себя – и прошлое свое отсек, и деревню, и всех, кто там жил. А если спрашивали его об отце и матери, отвечал, что родители умерли.

«Как там мать?» – спросил себя Сомов, но ответа не было.

«Хватит думать об этом!» – приказал он себе.

Мать все равно ничем не поможет...

А кто поможет?

Все время, оставшееся до рассвета, Сомов бестолково бегал по квартире, думая, что делать. Задернул шторы, чтобы тьма не глядела в окна. Включил везде свет. Сто раз проверил

сигнализацию и замки на двери. Вытащил из шкафа простенький серебряный крестик, который когда-то подарила мать, нацепил на шею. Крест без веры – только безделушка, но лучше так, чем никак.

Сомов пытался припомнить свои бескорыстные поступки и с ужасом понимал, что вспоминать нечего. Если и были такие, то давно, в детстве, и он их не помнил, не мог предъявить!

Три часа ночи минуло. Половина четвертого. Без четверти.

О том, что сейчас три часа сорок девять минут, Сомов узнал безошибочно. Свет в квартире погас, словно разом перегорели все лампочки. Из-за плотно закрытых штор свет с улицы в квартиру тоже не проникал, так что внутри было темно, как...

«Как в могиле», – пришло на ум Сомову избитое сравнение.

Когда пришла тьма, он стоял посреди гостиной: на месте не сиделось, он метался из спальни в кухню, из кухни в гостиную. Сомов не шевелился, будто надеясь, что если ничем не выдаст себя, то злая сила его не заметит и уберется прочь.

Он даже не дышал и сердцу приказал бы не биться, если бы мог: казалось, оно грохочет, как отбойный молоток. Прошло несколько минут. Комната озарилась призрачным сиянием: серовато-синим светом вспыхнул экран телевизора. Наверное, и монитор компьютера в спальне включился, мелькнуло в голове у Сомова.

В этом иллюзорном, пляшущем свете отчетливо видна была черная тень, что огромной кляксой расплзлась в углу комнаты по потолку и стене. Она напоминала фигуру в черном одеянии, и Сомов, глядя на нее, отказывался верить своим глазам.

Однако пришлось. Знакомый уже низкий, лающий голос, который доносился, кажется, отовсюду сразу, одновременно, прохрипел:

– Я пришел. Ты готов ответить?

Сомов услышал тихий поскуливающий писк и с ужасом понял, что эти жалобные звуки вырываются из его горла. Больше не было возможности для скепсиса: он не мог позволить себе такой роскоши.

– Я... я дал денег матери, – пролепетал он.

– Не считается! – рявкнул демон. – Это не было бескорыстно. Ты откупался от матери, а заодно – от своей совести. Даже и не знаешь, что уже шесть лет говоришь всем правду: ты и есть круглый сирота! А мать твою чужие люди хоронили.

Сомов задохнулся от неожиданной боли. Он и не знал, что такая бывает, что он вообще может ее испытывать. Хотя и не понял пока, за кого болело сердце: за мать или за себя?

Тень придвинулась, протянула к Сомову длинные руки.

– Даю тебе еще две попытки. Говори.

Сомов, который несколько часов перебирал в голове события своей жизни, не знал, что сказать, и выпалил:

– Сонечка! Стажерка! Я ей помог...

– Знаю, – перебило адское существо. – Не считается! Ты не по доброте душевной ошибки ее исправлял. Ты хотел Сонечку в свою постель – и получил. А она потом ненавидела и себя, и тебя.

Сонечка, вспомнил Сомов, уволилась по-тихому, никому ничего не объясняя.

– Про женщин лучше не говори, не старайся. Ни к кому ты искренних, бескорыстных чувств не испытывал.

Густая, как вакса, плотная тень была совсем рядом. Миг – и отделится от стены, схватит Сомова, который скрючился, обхватил себя руками, стараясь укрыться от чудовища.

– Дурной, злобный, никчемный человек с каменным сердцем, по которому никто не заплачет. Мне такие нужны! – алчно проговорил демон. – Последняя попытка. А потом я вырву твои глаза и язык, заберу твою душу.

Сомов почувствовал, что плачет. Слезы – горячие, как свечной воск, текли по щекам.

«Мамочка, помоги», – снова позвал он покойную мать, и на ум вдруг пришел другой человек.

Ребенок, маленький мальчик.

Назойливый чумазый оборванец, который прицепился к Сомову днем и которому...

– Мальчишка! – вне себя заорал Сомов. – Я отдал ему сегодня пакет с едой! Мог и сам съесть, но дал ему! И мне ничего от него не было надо! Это был бескорыстный поступок!

– Случайный, – возразил демон, но Сомов, услышав сомнение в его голосе, осмелел:

– Ты велел вспомнить бескорыстный поступок – я вспомнил! Ты теперь не можешь убить меня!

Повисла пауза, а потом неведомое создание проговорило:

– Не могу, ты прав. – Тень, похожая на нефтяное пятно, отодвинулась обратно в угол. – На этот раз считай, что тебе повезло. Но имей в виду: такие, как ты – моя добыча. Рано или поздно будешь мой.

В следующий миг экран телевизора погас, а свет в квартире, наоборот, включился. В углу не было никакой тени, вообще никого не было, кроме насмерть перепуганного Сомова.

Ночной гость сгинул без следа.

– Как прошло, Вадим Васильевич? – спросила секретарша, глядя на высокого лысого мужчину, вышедшего из кабинета шефа.

– Все отлично, отпустил меня, так что едем с Васей на море, – улыбнулся тот и направился к выходу из приемной.

Она поглядела ему вслед и в сотый раз удивилась произошедшим переменам. Сколько лет никто на его лице и намек на улыбку не видел, не то, что сейчас. Неприятнейший был тип, отвратительный.

А теперь Кощеем Сомова звать ну никак не хотелось!..

И как-то все это в прошлом году в одночасье случилось: был один человек, стал другой, словно подменили. Девочки в бухгалтерии считали, что это у него началось после того, как он в родную деревню съездил.

А вернулся оттуда – и в офисе прямо как бомба взорвалась: люди только и говорили о том, что Сомов решил усыновить беспризорника Ваську, который постоянно ошивался у бизнес-центра. Поначалу никто не верил: мол, ничего у Сомова не выйдет, неженатый же, неполная семья, но он бился, бился и как-то смог все уладить.

Забрал Ваську к себе, месяцев десять уже прошло. Или больше. Теперь вот на море собрался везти приемного сына: шеф заявление на отпуск подписал.

Секретарша задумчиво посмотрела в окно. Бывают все же чудеса на свете, подумалось ей. Самые настоящие чудеса!

Не иначе как Ангел-Хранитель Сомова вразумил...

Дом на краю поля

Тетя Лида позвонила очень не вовремя.

Я вышел из здания университета: сдал последний экзамен, закрыл сессию. Мы с одногруппниками собрались отметить это дело: все-таки четвертый курс позади! Как раз стояли на крыльце, обсуждали что, где и как, и тут зазвонил сотовый.

Номер был незнакомый, я сначала и брать не хотел, но мобильник буквально разрывался. Пропустив два звонка, на третий снял трубку и услышал ее голос:

– Здравствуй, Артемушка. Долго не отвечаешь. – Она говорила тихим, глуховатым голосом. – Звоню, звоню.

– Привет, тетя Лида. Номер незнакомый, я не думал, что это ты.

– А, ну да. – Она шмыгнула носом. Плакала, что ли? – В магазин зашла позвонить. Мой телефон сломался.

Тетя Лида – мамина старшая сестра, родители у них умерли. Тетя Лида замуж не выходила, а мама вышла, но отец умер, когда мне было шесть, вслед за ним ушли и его родители, вот и получается, что кроме мамы и тетки у меня никого нет.

– Артемушка, я попросить тебя хотела. – Она помолчала, словно не решаясь договорить или боясь отказа: – Можешь ты ко мне приехать?

Я немного опешил, а потому ответил резче, чем намеревался:

– Что? Когда?

Тетя Лида жила в деревне, где они с матерью выросли. Когда же я там был в последний раз? Наверное, лет пять назад. Или больше? Она приезжала иногда в город, и мы встречались, но как-то все на бегу, урывками.

– Сегодня приезжай. – Голос звучал умоляюще и робко: – Понимаю, ты занят, учеба... Я бы не просила, если бы...

– Ты что, заболела? – Внутри у меня похолодело. Тетя Лида говорила так, будто прощалась или была страшно напугана. Поэтому я тоже испугался.

– Тёмыч, ты скоро? Тебя одного ждем! – позвал Серега, но мне уже было ясно: я никуда не иду. Да и хорошее настроение пропало.

– Можно и так сказать. Если ты не приедешь, не справлюсь.

«С чем?» – хотел спросить я, но вместо этого отвел трубку в сторону и сказал Сереге:

– Без меня. Мне уехать надо, срочно. К тетке.

Я махнул ребятам рукой на прощание и отвернулся.

– Артемушка, так мне тебя ждать?

– Я сейчас в общагу за вещами заеду и сразу на вокзал.

Уже через два часа я, с рюкзаком наперевес, сел в пригородную электричку. До деревни, где жила тетя Лида, было четыре часа езды, так что на месте окажусь около шести вечера. От станции Ореховка еще идти примерно полчаса, если не повезет с попуткой. Глухое место.

Я спрашивал у тети Лиды, почему она не переберется в город, как мать, которая уехала, едва стукнуло восемнадцать, и с той поры туда не возвращалась, но тетка отмалчивалась.

Большую часть дороги я проспал. Спал бы и дольше, но снова зазвонил телефон. На этот раз поговорить со мной желала мать. Я весь внутренне подобрался – так всегда было при общении с ней. Человек она непростой, довольно резкий и категоричный. Из тех, кто все всегда знает лучше и выскажет свое мнение, даже если никто не спрашивает.

– Сдал сессию? – спросила мать.

– Без троек.

– Молодец! – По голосу слышно, что довольна. – Можешь, если захочешь! – Это в ее устах высшая форма похвалы. – Когда приедешь? Я тебе билеты закажу.

В последние годы мать жила в Болгарии: вышла замуж, и они с мужем туда перебрались. Она постоянно зовет меня, и я, в общем-то, не против, но хочу доучиться.

– Чего молчишь?

Я раздумывал, что ей сказать. По непонятным для меня причинам мать и тетя Лида не ладили. Не то чтобы открыто конфликтовали или ссорились, но чувствовались между ними недосказанность и напряжение.

Вернее, это было со стороны матери: она не любила говорить о сестре, никогда не приглашала ее в гости, не приезжала в родные места и меня ни в какую не пускала на каникулы с тех пор, как мне лет четырнадцать исполнилось, хотя тетя Лида и звала.

Понять, в чем причина, я никогда не мог. Тетя Лида, конечно, не без странностей: старомодно, немного нелепо одевается, живет уединенно, мало с кем общается, редко бывает в городе, вся в своих книгах (сколько себя помню, она всегда много читала). Зато она добрая, улыбчивая, говорить с ней приятно: выслушает, ни разу не перебьет. В отличие от матери, которую хлебом не корми – дай порассуждать и покритиковать. Мне кажется, тетя Лида принимает и любит меня таким, какой я есть, как бы банально это ни звучало. А матери я вечно должен доказывать, что чего-то стою.

– Толком говорить не могу. Мы с ребятами на дачу едем, к Сереге, – соврал я. Скажешь правду – нарвешься на недовольный тон, расспросы, вынос мозга.

– Ясно, – протянула она. – Смотри там, много не пей.

– Мам, хватит. Никто не собирался.

– Дурочку-то не валяй. А то я не знаю, как студенты сессии отмечают. Кстати, о дурочках. С ними тоже осторожнее, лишние проблемы не нужны. Мы тебе тут, в Болгарии, невесту подберем.

Я с трудом подавил раздражение. У матери пунтик насчет этого.

– Ладно, меня уже зовут.

Она усмехнулась.

– Иди, раз зовут. Позвони, как вернешься. Обсудим насчет билетов.

Пообещав позвонить, я нажал на отбой и убрал мобильник. Хотел бы я знать, когда вернусь. И что вообще стряслось у тети Лиды? Объяснить она не смогла: наверное, рядом были чужие уши, неудобно в подробности вдаваться. Как бы то ни было, скоро все узнаю.

Остаток пути я пялился в окошко. В городе было солнечно и жарко, июнь все-таки, но чем ближе мы подъезжали к Ореховке, тем сильнее портилась погода. Сивые тяжелые тучи укутали небо, не оставив ни единого светлого островка, ветер трепал ветви деревьев, пригибая к земле траву и кусты. Только бы дождь не зарядил, думалось мне.

Выйдя на перрон, я застегнул замок ветровки, сунул руки в карманы и натянул на голову капюшон. Народу вокруг не было, и я побрел прочь от станции по дороге к деревне, уже не надеясь, что меня кто-то подбросит.

Ветер забирался под ветровку и охлаждал кожу. Дорога была так себе: асфальт за те годы, что я тут не был, так и не проложили, да и зачем, если жителей в деревне оставалось все меньше и меньше?

До вечера еще далеко, но из-за плотных туч вокруг было сумрачно, казалось, вот-вот наступит ночь. На душе скребли кошки: волнение за тетю Лиду усугублялось окружающей неприятной обстановкой и одиночеством.

Когда сзади раздался шорох шин и негромкое рычание двигателя приближающегося автомобиля, я в первый момент не поверил своему счастью, а потом обернулся и замахал руками.

Древняя синяя «пятерка» притормозила у обочины. За рулем сидел лысый старикан с круглыми глазами и вислыми усами, похожий на сома.

– В Моховое? – гаркнул он неожиданно гулким звучным голосом, опустив стекло. Видимо, был глуховат и, как это часто бывает в таких случаях, говорил громче, чем следовало.

– Подкинете? – спросил я.

– Залазь, – кивнул он. – Не больно-то хорошо по такой погоде шлепать.

Я уселся, пристроив рюкзак на коленях. В салоне было идеально чисто и пахло табаком. Похоже, старик лелеял свою «ласточку», но не курить в машине не мог. Он и сейчас, покосившись на меня, потянулся за сигаретной пачкой.

– Будешь? – предложил он.

– Не курю, спасибо.

– Это правильно, – одобрительно проговорил старик. – А я вот, вишь, не могу бросить. Надо бы, а никак. Вот и дымлю.

Он чиркнул дешевенькой синей зажигалкой и прикурил сигарету.

– Кто у тебя в Моховом-то? Не признаю что-то.

– У меня там тетя, материна сестра. Тетя Лида. Она в крайнем доме живет, за полем.

Старик перестал улыбаться, помрачнел и сердито покосился на меня.

– Знаю я, где Лидия живет, – буркнул он. – А ты, значит, Натальин сын будешь? Вырос, не узнал. Давно тебя не было. Запоматовал, как зовут-то?

– Артем, – ответил я, слегка обескураженный столь резкой сменой настроения.

– Ты зачем к тетке-то собрался, Артемка?

Я хотел возмутиться: зачем, мол, ему эта информация, да еще и «Артемка»! Терпеть не могу, когда так называют, но дедок меня опередил:

– Нос-то у меня вишь какой? Длинный. Потому что сую не в свое дело. Едешь, стало быть, надо.

Он отвернулся от меня, давая понять, что тема закрыта, и с преувеличенным вниманием уставился на дорогу, которую, конечно же, знал вплоть до каждого сантиметра.

Вот и Моховое – тихая деревенька домов на сорок. Мы ехали по пыльной улице, и я с грустью замечал, что окна каждого второго дома заколочены. Хозяева покидали Моховое: кто-то уезжал в город, как мать, кто-то перебирался на кладбище. Деревня, которая помнилась мне оживленной, пустела и угасала, на всем лежала печать запустения и глухой тоски по прежним временам.

– Высажу тебя у магазина, – проговорил старик. – Дальше сам.

– Конечно. Я вам должен что-то?

Вместо ответа он замотал головой, как пес, отгоняющий мух. Мне показалось, он хотел, чтобы я поскорее выкатился из машины. На пяточке, который был центром деревни и раньше казался мне довольно большой площадью, располагались два магазина, почта и аптека. На дверях почты и одного из магазинов висели замки. Окна аптеки были мутными – сразу и не поймешь, работает или нет. Один из магазинов пока еще был жив.

О том, чтобы зайти и купить что-то, я не думал: привез тетке из города коробку конфет и ее любимый вафельный торт с шоколадом и орехами. Поэтому прошел мимо и двинулся по улице, которая шла чуть под горку и ввела к краю деревни – противоположному тому, где мы заехали.

Улица была пустынна, лишь возле одного дома сидела на лавочке старушка в цветастом халате. Я поздоровался, но она не ответила. Вяло, словно бы для проформы, гавкали из-за покосившихся заборов собаки, в пыли копошились встрепанные куры. Из одного настежь распахнутого окна хрипела про «мальчика-лейтенанта» какая-то певица.

Вскоре последний дом остался позади. Теперь только перейти по узкой тропинке поле – и вот оно, жилище тети Лиды. В детстве я никогда не придавал значения тому, что жил дальше

всех мальчишек, с которыми играл во время каникул. А сейчас мне показалось странным, почему дом стоит на отшибе.

«Надо бы спросить мать или тетю Лиду», – подумал я.

Вытащив телефон из кармана, я ожидал увидеть, что сигнала нет, но он был, и даже весьма четкий. Часы показывали без десяти семь. Повертев сотовый в руке, я убрал его обратно: звонить было некому.

Тетя Лида стояла возле забора – вышла встречать. Сколько себя помню, она всегда это делала: выходила точно вовремя, предупреждать о времени приезда было не нужно. Она говорила, что сердцем чувствует, потому что любит.

Я верил. И сейчас верю.

Помахав ей рукой, я ускорил шаг, поймав себя на мысли, что улыбаюсь. Оказывается, я соскучился.

Дом у тети Лиды отличался от всех домов в Моховом: большой, из белого кирпича, обнесенный кирпичным же забором. Металлическая калитка, новая черепичная крыша, ухоженный двор и большой аккуратный огород, с которого тетя всегда собирала богатый урожай: в погребе рядами стояли варенье, соленья и маринады.

– Артемушка! Приехал! – Тетя Лида припала ко мне с такой радостью, как будто я невероятным образом вернулся с войны. Плечи ее затряслись, и я с ужасом понял, что она плачет.

Какая же я скотина, что так долго не навещал ее!

Она обняла меня, ни на секунду не разжимая рук, будто боялась, что я сбегу от нее, и мы пошли в дом. Я чувствовал себя немного неловко, но, с другой стороны, в том, что тебе настолько рады, определенно есть нечто ласкающее душу.

В доме было чисто прибрано – у тети Лиды иначе и не бывало, в большой комнате накрыт стол, плотно уставленный всевозможными разносолами. В животе заурчало: я вспомнил, что не ел с самого утра.

Тетя Лида уселась напротив, подперев ладонью щеку. Они с матерью совсем разные: мама худощавая, невысокая и хрупкая блондинка с короткой стрижкой, а тетя – высокая, статная, полноватая, с густыми темными волосами, уложенными венцом.

– Как ты, Артемушка? Все хорошо? – спросила она. – Никто не обижает?

В этом она вся: не про учебу спросит, а про то, как я, как настроение.

– Все отлично, тетя Лида, – с набитым ртом ответил я.

– А мама? Как она?

Я уверил, что и у нее все в порядке.

– Ты почему так срочно просила приехать?

– Наташа никогда не звонит, – вздохнула тетя Лида и ушла в свои мысли, точно не услышав моего последнего вопроса. – Обижается что-то.

Она помолчала, а потом сказала:

– Помощь мне твоя нужна. Поможешь?

– Конечно. Чем помочь?

Я был слегка озадачен.

– Не любят меня тут, Артемушка. Всю жизнь прожила, а не прижилась. – Лицо тетки сморщилось, будто она снова собралась заплакать.

Я удивился, но потом вспомнил, как повел себя старик при упоминании о тете Лиде.

– Почему? – спросил я.

Это и вправду странно: тетя Лида была самым добрым и приятным в общении человеком из всех, кого я знал. Неужели всегда такое отношение было? Я и не замечал... Или попросту забыл.

Тетя Лида опустила глаза и выдала такое, чего я и представить не мог.

– Ведьмой считают.

– Кем? – поперхнулся я. Шутит, что ли?

Но тетка говорила серьезно.

– У них не урожай, слезы одни, а у меня растет все, даже продаю. Ни с кем не общаюсь – а чего мне с ними, Артемушка? Дел полно, дом большой. Мне с собой не скучно. Читаю, вяжу. А они, видишь... – Тетя Лида вздохнула. – И молодая больно, говорят.

Я посмотрел на нее. Сказать честно, все женщины старше тридцати пяти или сорока казались мне довольно возрастными. Но тетя Лида, конечно, выглядела отлично: свежий цвет лица, ни седины, ни морщин. Сколько ей? Матери сорок девять, а тетя Лида старше ее на сколько-то лет. Пожалуй, да, молодо выглядит, так ведь и живет на природе, ест все натуральное!

– Дикость какая-то, – искренне возмутился я. – Придурки деревенские. Ты их не слушай!

– А я и не слушаю, – легко согласилась она. – Зла никому не делаю, живу, как умею. – Тетя Лида помялась. – Понимаешь, мне тут сказала одна... Вроде как хотят они прийти ко мне, прогнать. Ну, я и испугалась, тебя вызвонила. Думаю, дай-ка ты приедешь, сессию же сдал. Поживешь немного, при тебе никто не будет дурного делать, а там, глядишь, забудут.

«Откуда она узнала про сессию? – удивился я. – Или я сам сказал?»

Это был полный абсурд. Как говорит Серега, кино и немцы. Но разве плохо пожить тут пару дней? Поест все эти вкусности, пообщаться с тетей Лидой, постоянно чувствуя, что тебя любят, что ты дорог, нужен и важен.

– Сердишься? – робко спросила она. – Оторвала я тебя, не надо было. Стыдно.

– Ничуть не стыдно, – решительно проговорил я. – Это мне надо себя ругать: не был давно. Я рад, что ты позвонила.

Тетя Лида прямо-таки расцвела от этих слов, заулыбалась.

Мы долго сидели, болтали о том о сем, в итоге я наелся так, что еле вылез из-за стола. Тетя Лида горячо отвергла мои попытки помочь ей убрать и вымыть посуду, отправила меня в комнату, в которой я всегда жил, когда приезжал сюда на каникулы.

Тут все было как раньше: я словно в прошлое вернулся. Стол, кровать, полки, шкаф, зеркало возле двери. Только тетя Лида, кажется, ремонт сделала.

Я зашвырнул рюкзак в шкаф и улегся на кровать. За окном было еще светло, хотя рыжее солнце потихоньку клонилось к закату. Дождь так и не начался, небо прояснилось. Какой покой, подумалось мне, остаться, что ли, на целый месяц? Тетя Лида только рада будет.

Вспомнив про тетку, я вспомнил о том, почему тут оказался, и меня зло взяло. Что за уроды привязались к безобидной, как канарейка, трудолюбивой женщине?

Мысль сходить в деревню и разобраться с ними пришла в голову внезапно, уже через секунду укрепившись. Решено! Я встал с кровати и направился к двери, но тут подумал, что тетя Лида увидит меня и не отпустит.

Что ж, придется вылезать через окно, не впервой.

Спустя пять минут я уже шагал по дороге в деревню. При себе у меня был только телефон. Когда я углубился в поле, ветер донес голос тети Лиды: она звала меня, наверное, хотела отговорить, вернуть, но я только прибавил шагу и вскоре уже был возле дома Матвея.

Матвей – мой детский приятель, мы не виделись сто лет, связи не поддерживали. Но в те далекие годы я знал, что отец Матвея, дядя Боря, был кем-то вроде сельского старосты или главы поселения. Вроде неплохой дядька, так что вполне можно с ним поговорить.

Мне повезло: едва подойдя к дому, я сразу увидел дядю Борю, который поливал из шланга кусты смородины.

Я поздоровался, не надеясь, что он меня узнает, но дядя Боря прищурился и нерешительно проговорил, выключив воду:

– Темка? Ты, что ли?

– Здравствуй, дядя Боря.

Он подошел ближе и почесал нос.

– Матвея нету. Он, знаешь, в Москве теперь, – с оттенком гордости, но вместе с тем словно бы заканчивая разговор, сказал дядя Боря и сделал попытку отвернуться.

– Круто. – Я не собирался позволять ему уйти. – А я вот к тете Лиде приехал. Навестить. Она звонила, говорит, обижают ее тут.

Чем дольше я говорил, тем больше темнело лицо дяди Бори.

– Обижают? – переспросил он и оглянулся, словно тот, кто это делает, мог стоять за его спиной.

Приободренный его неуверенностью, я ринулся в атаку:

– Именно. Она говорит, ей даже ночевать страшно. Вдруг что случится.

– С кем? С ней? – прозвучало сбоку, и я увидел, что из дому вышла старуха – бабушка Матвея. – Это с нами со всеми вот-вот случится. Все соки выпила, ведьма проклятая.

– Мама! – придушенным голосом воскликнул дядя Боря.

– А что «мама»? Ведьма и есть. С нечистью знается. – Бабка сердито зыркнула на меня. – Никого в деревне не осталось. Бегут отсюда люди, все кругом чахнет, а она силу набирает.

«Господи, что за бред!» – подумал я.

– Ей, говоришь, ночевать страшно? Все кругом проклято из-за нее. Скотина мрет, неурожай, люди болеют, нос из дому ночью высунуть боятся. Год от году все хуже. Шныряет она по ночам, под окнами воет...

– Да что вы несете! – не выдержал я. – Средневековье какое-то. Народ не хочет в этой глухомани жить, а тетя Лида виновата?

– Кто мог, все уехали. А кому некуда... Вот и маемся. Мне-то ладно, недолго осталось. Ничего, вот помру, Борька и уедет.

Я опешил, не понимая, как реагировать. Наверное, бабка умом тронулась.

– Ехал бы ты домой, – сказал дядя Боря. – Не связывался с ней. Добром это не кончится.

Оба синхронно развернулись и пошли в дом. Уже с порога дядя Боря громко проговорил:

– Ты дурь-то эту из головы выкини, не обижают тут твою тетку. Никто бы не отважился и близко подойти. Хочешь – ночуй у нас. А утром уезжай. И не возвращайся никогда.

– Да я не...

– Ну, как хочешь, – отрезал он, хотя я и договорить не успел, и скрылся в доме.

Мне расхотелось выяснять, в чем тут дело, поэтому я потащился обратно к тете Лиде. Понятно, что эти байки – обычные сельские предрассудки, но все же настроение испортилось, было как-то не по себе. К тому же стремительно темнело, и я боялся, что добираться до дому придется во мраке.

«Она просто другая, не такая, как они, – рассуждал я. – Люди ненавидят тех, кто выбивается из общего строя. Тетя Лида зажиточная, дом у нее отличный, не то что их сараи...»

На этом месте я сбился с мысли. А кем она работает? Я никогда не интересовался этим, понятия не имел, на что она живет. Доход явно неплохой, но чем занимается тетя Лида? Овощи на продажу выращивает?

К моменту, как я дошел до края поля, уже совсем стемнело. Тропинку было видно плохо, но я знал направление, да и окна дома тети Лиды светились мягким уютным светом.

«Шныряет она по ночам, под окнами воет», – вспомнились слова чокнутой бабки, и мне стало не по себе. Ничего такого тетя Лида, конечно, не делает, но...

Мне послышалось, что за мной кто-то идет. Я явственно слышал осторожные шаги и шуршание травы.

Застыл на месте, прислушиваясь. Ничего, ни единого звука. Но как только я сделал шаг, тот, кто шел за мной, шагнул тоже. Я впервые в жизни поверил, что действительно можно почувствовать чей-то взгляд, как нечто вполне осязаемое, физически реальное: кожу на затылке покалывало, пекло.

– Кто здесь? – спросил я, и могу поклясться, что ответом было приглушенное хихиканье. – Это не смешно!

Надо бы обернуться, но я не мог себя заставить сделать это. Увидеть того, кто шел за мной по темному полю.

Дом переливался огнями впереди, как маяк, и я, собрав волю в кулак, бегом рванул к нему. От собак убежать нельзя – так учила мама. А от того, кто бродит ночью по полю, очень даже можно.

Я несся вперед со всей доступной мне скоростью. В боку колело, во рту пересохло, но я не собирался останавливаться. Понятия не имею, бежал ли кто-то вдогонку. Впившись взглядом в льющийся из теткинских окон свет, я мчался, стараясь не думать ни о чем, кроме своей цели.

Остановился лишь тогда, когда внезапно понял: дом не становится ближе. Я бегу, но он с каждым шагом оказывается все дальше, расстояние только увеличивается! Теперь лимонный свет окон сиял далеко-далеко...

Осознав это, я остановился так резко, что едва не полетел на землю. Дышал тяжело, никак не мог унять сердцебиение: казалось, сердце сейчас вырвется из груди, как снаряд, разорвав грудную клетку.

Но хуже всего было то, что, остановившись сам, я услышал, как мой преследователь тоже остановился. Трава шуршала совсем рядом, тихий смех замер возле меня.

Я вытащил из кармана телефон и трясущимися, непослушными руками включил фонарик. Лишь бы зарядка не села: я ведь давно сотовый не заряжал.

«Ну же, не будь мудаком!» – велел я себе и резко обернулся, направив свет в темноту. Позади никого не было. Луч фонаря метался по темному полю, но освещал лишь высокую траву, дорожку, растущие тут и там деревья.

– Артемушка! – услышал я и, не сдержавшись, заорал от ужаса. Повернулся и увидел стоящую в двух шагах тетю Лиду.

На долю секунды лицо ее, освещенное неверным светом фонарика, показалось мне уродливым, безглазым, сморщенным, как у глубокой старухи, но в ту же секунду наваждение растаяло. Показалось, конечно же.

– Ты... как тут... А я... – мне никак не удавалось закончить фразу.

– Увидела, что ты ушел. Дай, думаю, встречу. Темно уже, а тебя нет. Слышу, кричишь.

Я немного успокоился и сумел вполне внятно сказать:

– Мне показалось, я еще далеко от дома. Вроде шел, а...

– Далеко? – перебила тетя Лида. – Вот же он.

– Кто? – тупо спросил я.

– Да дом же, глупыш!

Я посветил перед собой и увидел, что мы стоим возле калитки. Поле осталось позади. Поле и то, что там обитало, преследовало меня.

«Брось, – сказал я себе. – Наслушался ерунды, уже и мерещиться всякое стало».

– Пойдем домой, – сказала тетя Лида. – Набегался. Чайку попьем.

Заходя в дом, я спросил себя, откуда она узнала, что я бегал. В темноте, что ли, видит? Хотя я дышал, как скаковая лошадь после скачек.

Тетя Лида заперла дверь, усадила меня за стол, захлопотала возле плиты.

– Куда ходил-то? – спросила она. – Вот же не сидится человеку спокойно.

– Они говорят, ты с нечистью знаешься, – выпалил я. Тетя Лида обернулась, держа в руках заварочный чайник. – Боятся тебя до полусмерти, так что незачем переживать. Никто не сунется.

Тетя Лида поставила чайник на стол и присела возле меня.

– Ты прости меня. Обманула, – покаянно проговорила она, теребя скатерть. – Я не их боюсь. Люди в деревне и правда напуганы, они думают, из-за меня их беды. Только это не так.

Здесь, в полях, обитает существо... – Тетя Лида откашлялась, точно не решаясь продолжить. – Жуткое. Ты не думай, я не вру. Мы с твоей матерью случайно увидели его, когда маленькими были. Спаслись кое-как. Наташа потому и уехала отсюда: боялась очень, спать перестала. Она не рассказывала?

Я потрясенно молчал.

– Нет, конечно. Сбежала и все. А я осталась.

– Ты же шутишь, да? – недоверчиво спросил я.

– Оно путников поджидает. Идет за ними в темноте...

«Шаги. Мне не почудилось!»

– Морочит, не выпускает с поля, играет с ними, потому что людским страхом питается. Зовет на разные голоса. Убежать от него невозможно. Один только способ спастись: утра дожидаться, не отзываться на зов, как бы оно ни звало. Много народу в окрестностях сгнуло, пропало бесследно, а иных находили мертвыми: вроде как сердце остановилось, не выдержало.

При мысли о том, что могло со мной случиться там, в поле, меня прошиб холодный пот. А если бы тетя Лида не подросла вовремя?

– Почему ты не уехала?

Тетя Лида пожала плечами.

– Уж как-то приноровилась тут жить. По ночам не выходила из дому, что бы ни случилось. – Она помолчала. – Люди говорят, я ведьма. Может, и есть что-то. Я чувствую иногда такое, чего другие не чувствуют. Есть у меня какая-то сила, сама не понимаю. И я подумала: может, это моя судьба? Остановить его? Многие годы пыталась понять, что оно такое, как его прогнать, книги разные читала.

– И как? Поняла?

Взгляд ее стал затравленным.

– Попробовала кое-что сделать. Обряд один провести. Я потому тебя и позвала. – Тетя Лида замялась. – Ему не нравится, что я пытаюсь его прогнать, оно будет пытаться меня выманить наружу и...

– Сегодня?

Она кивнула.

– Но зато если не поддаться ему, оно уйдет искать новое место. И с завтрашнего дня все будет хорошо. Люди в деревне смогут жить нормально. И я тоже.

В этом вся тетя Лида – вечно о других думает.

– Что за обряд?

Она светло улыбнулась.

– Долго объяснять, да и какая разница? Главное – дома сегодня оставаться. Мы же справимся? Вдвоем не так страшно. Ты, наверное, злишься, что я тебя втянула? Я бы на твоём месте тоже злилась. Но если все закончится, Наташа сможет приезжать.

Я понял, что она скучает по сестре, и рассердился на мать. Сбежала, общаться перестала – а разве тетя Лида виновата в том, что тут тварь какая-то завелась?

Мы занавесили окна, заперли двери. Я сидел и смотрел, как тетя Лида, обходя дом, рисует мелом странные фигуры над дверными косяками и окошками, как расставляет по углам странные предметы вроде чаши с медом и молоком, свечей на плоских блюдах, развешивает пучки сухой травы.

– Оно будет нас пугать, но мы не испугаемся, верно?

Хотел бы и я быть в этом столь же искренне убежденным.

Тетя Лида склонилась над столом, на котором стоял большой хрустальный бокал на тонкой ножке. Внутри переливалась в свете лампы жидкость золотистого цвета. Тетя Лида взяла нож и, чуть помедлив, сделала надрез на пальце.

Я охнул, она улыбнулась.

– Ничего, не больно. – Пара капля упала в жидкость, которая мгновенно стала алой. – Мне и твоя кровь нужна, – смущенно проговорила тетя Лида.

Криво улыбнувшись, я протянул руку, стараясь сохранить невозмутимый вид. Боль была острой, но тут же прошла. Я думал, тетя Лида и моей крови накапает в бокал, но она вместо этого принялась водить моим окровавленным пальцем по стенкам чаши, бормоча при этом что-то себе под нос. Закончив, возвестила:

– Защита готова. – Она поставила бокал на середину стола. – Нам теперь только от полуночи до рассвета пересидеть в доме – и все.

Словно подтверждая ее слова, где-то в глубине дома часы пробили двенадцать раз. Отсчет начался.

Мы сидели в гостиной возле стола, хотя могли находиться где угодно, объяснила тетя Лида. Просто на виду друг у друга было спокойнее. Поначалу все было тихо, минуты бежали, мы негромко беседовали, пока разговор не угас.

Я протянул руку к чаше, но тетя Лида воскликнула:

– Нет-нет! Ты не должен ее касаться!

Удивившись, я убрал руку, а она, видимо, устыдившись своей реакции, пояснила:

– Нельзя это трогать. – И добавила: – Тишина нужна. Телефон твой не зазвонит в неподходящий момент?

– Он на беззвучке, – ответил я. – Да и не позвонит мне никто.

Тетя Лида кивнула, соглашаясь.

Примерно в половине первого мы услышали шаги. Кто-то прошел под окном и остановился. Мы переглянулись. Сердце подпрыгнуло к горлу, но тетя Лида казалась спокойной, и мне пришлось взять себя в руки.

Раздалось тихое поскребывание и свистящий звук: кто-то ногтем (или правильнее сказать – когтем?) провел по стеклу. Затем негромко постучал. Потом – громче.

Я сцепил руки в замок. До этой минуты все же не до конца верил в правдивость истории, хотя и ощутил присутствие некоего существа там, в поле, но старался убедить себя, что это какое-то животное или птица. Теперь сомнений не осталось: снаружи кто-то был!

– Впусти меня! Выйди ко мне!

Подскочив на месте, я прикусил губу, чтобы не закричать.

В окно постучали с такой силой, что я был уверен: стекло разобьется!

– Не волнуйся! – шепотом сказала тетя Лида. – Оно сюда не проберется. Там защита, помнишь?

Грохот прекратился, на мгновение все стихло, а потом тварь принялась биться в другое окошко.

– Впусти! Выходи! – существо ревело будто бы на разные голоса, стучась то в одно окно, то в другое, то как будто бы во все окна сразу!

Я пожалел о том, что не знаю ни одной молитвы, и тут тетя Лида, словно подслушав мои мысли, сказала:

– Молитва не поможет.

Какофония звуков стихла, чтобы через несколько минут возобновиться с новой силой. Только теперь демоническое создание стало колотить в дверь, оставив окна в покое. Удары были такой силы, что каменный дом вздрагивал и грозил развалиться.

Мы с тетей Лидой, как три поросенка из сказки, боящиеся серого волка, сидели друг напротив друга, а нечто ужасное кружило вокруг дома, безуспешно пытаясь прорваться внутрь. Боясь вымолвить лишнее слово, слушали мы, как оно рычит и завывает, скребет и царапает оконные стекла, колотится в двери и окна и в бессильной ярости швыряет о стену вазоны и стулья с террасы.

Неужели это происходит со мной? Неужели это вообще может произойти с кем-то? Только утром моей самой большой проблемой было не завалить последний экзамен. Если бы тетя Лида не затеяла битву с потусторонними силами и не позвала меня на помощь, я бы сейчас преспокойно тусил с ребятами, отмечая сданную сессию!

Жалел ли я, что не придумал подходящего предложения, чтобы отказаться ехать? Нет, конечно же, нет. Что она делала бы тут совсем одна, посреди этого ужаса? А если бы с ней случилось что-то, я бы себе не простил.

Я посмотрел на тетю Лиду, мы встретились взглядами. В ее глазах стояли слезы, и тем не менее она улыбалась. Мне снова показалось, что она сверхъестественным образом прочла мои мысли и была благодарна, что я не оставил ее.

Минуты шли одна за другой, утекали в небытие, складывались в часы. Давно минула полночь, час ночи, два.

– Скоро рассвет, – прошептала тетя Лида. – Еще совсем немножко осталось подождать.

Неведомая тварь рвалась к нам все так же яростно, но в этой ярости чувствовалась обреченность. По крайней мере, мне так казалось. Видимо, существо понимало, что ничего у него не выйдет, вот и бесновалось, выло от ярости, что ему придется убраться из этих мест.

Я понемногу успокоился, не воспринимал происходящее так остро, почти перестал бояться. А вот в туалет хотелось уже нестерпимо. Я поерзал и сказал шепотом:

– Тетя Лида, я отлучусь на минутку.

Она пронзительно посмотрела на меня – по всей вероятности, боялась оставаться одна, да и меня не хотела выпускать из виду.

– Не волнуйся, внутри же безопасно. Я скоро.

Она неуверенно кивнула. Выбравшись из-за стола, я крадучись, чтобы не привлекать лишнего внимания к своим передвижениям, вышел из комнаты и заперся в ванной.

Сделав свои дела, надел брюки, и тут из кармана на пол выпал телефон.

«Хорошо еще, не в унитаз», – подумал я и глянул на экран.

Зарядка почти кончилась: всего пять процентов осталось. Это не удивительно, странно другое: мать звонила девятнадцать раз.

Телефон стоял на беззвучном режиме, поэтому я и не заметил. Что это с ней? Ночь-полночь, а она названивает. Наверное, случилось что-то. Уже хотел перезвонить, но тут мать снова объявилась.

– Слава богу! Ты у Лиды? – с места в карьер спросила она, не успел я ответить.

– Да. А как ты...

– Муторно на душе было, ты не брал, Сереге твоему позвонила, он сказал, – мать тараторила так, что я едва успевал разобрать слова. – Она заставляет тебя делать что-то... необычное?

– Что ты...

– Отвечай быстро!

Совсем сбитый с толку ее напором, я ответил:

– Тут в полях обитает чудовище. Тетя Лида говорит, ты его тоже видела в детстве. Оно бродит около дома прямо сейчас...

– О, господи!

– Не волнуйся, она поставила защиту, оно не войдет. До рассвета минут десять, а потом уже все кончится.

– О, господи, – снова как заведенная повторила мать. – Темочка!

«Темочка»? Я был потрясен, она меня так только в детсадовском возрасте звала.

– Мам, да что...

– Слушай меня очень внимательно и делай, как я скажу. Твоя тетка не защитит тебя пытается. Да, мы видели ту тварь возле поля. Она не добралась до нас – мы уже возле дома стояли. Мне было восемь, Лидке – восемнадцать. Я перепугалась так, что в больницу попала.

А Лидка... она стала искать, как связаться с этим существом. Книги читала, не знаю, что еще делала. Долго мучилась, многие годы, и ей удалось. Я потому и не езжу, не общаюсь с ней, и тебе запретила.

– Ты не говорила! – Голова шла кругом от всего этого.

– А ты бы поверил? В такое никто не поверит, пока сам не столкнется.

– Зачем ей это?

– Видел, как она живет? Как выглядит? А ведь ей шестьдесят! Это уговор.

– Уговор? – переспросил я.

– Она помогает этой твари! Люди в тех краях мрут и...

– Знаю, мне говорили, – прервал я. – И она сама говорила! Тетя Лида...

– Отъявленная лгунья! Как бы то ни было, она соврала!

– Зачем ей это?

– Я точно не знаю, могу только предположить. Она заманила тебя, потому что хочет отдать ему.

– Мам, но это же бред какой-то! Тетя Лида, наоборот, хочет помочь, она хорошая, и меня любит!

– Никого она не любит, кроме себя, – рявкнула мать. – Я думаю так: вышел какой-то срок, та тварь пришла забрать ее, но она хочет вместо своей предложить твою душу.

– Что же делать? – беспомощно спросил я.

– Сынок, не паникуй! Делай все ровно наоборот тому, что она говорит.

– То есть...

– Артемушка, ты что так долго? – услышал я голос тети Лиды.

Я вздрогнул и чуть не выронил телефон.

– Артем, сынок, ты там? – надрывалась мать.

Мне больше всего хотелось, чтобы они обе замолчали, чтобы все это оказалось дурным сном, который приснился мне на пьяную голову, когда я отмечал окончание учебы.

– Артемушка, откликнись!

– Все хорошо, – неожиданно твердо ответил я. – Выхожу.

– Это она? Что она... – Мать, судя по голосу, паниковала не меньше меня. – Ты понял?

Пожалуйста, делай все наоборот, ты должен сорвать ее планы! Пусть эта тварь забирает...

Неожиданно голос матери оборвался. Я отвел телефон от уха и увидел черный экран. Батарейка села. Сунув телефон в карман, вышел из ванной.

Делай наоборот. То есть я должен открыть дверь и впустить это чудовище в дом? А если оно сожрет нас? Если мать ошибается?

Тетя Лида сидела за столом. Тварь все так же бесновалась во дворе, но я почти ничего не слышал: кровь шумела в ушах.

Что делать? Кому верить – матери или тетке?

– Присаживайся, Артемушка. Все хорошо?

Казалось, тетя Лида говорит напряженно и смотрит не так ласково, как обычно. Хотя, возможно, это лишь почудилось.

– Да, – коротко бросил я.

– Скоро рассвет. Пять минут осталось. Я по Интернету смотрела, во сколько рассветает.

Садись же! – снова настойчиво позвала она.

– Как ты узнала, что я сессию сдал? Я не говорил.

Тетя Лида не смутилась.

– Я же тебе рассказывала, что и вправду немножко ведьма. Угадываю, вижу больше, чем другие. Ты же и сам понял.

Она многозначительно посмотрела на меня.

Да, я это понимал, за вечер не раз казалось, что она читает мои мысли.

– Ты говорил с Наташей? – спросила тетка, хотя это был и не вопрос, а утверждение. – Мать сказала тебе что-то плохое обо мне, так ведь?

Вконец растерявшись, я качнул головой: да.

– Ты, конечно, можешь поверить ей, а не мне. Она же мама твоя. – Тетя Лида вздохнула. – Но разве она тебя любит так, как я? Разве она – твой друг, который тебя понимает?

– Что будет, когда рассветет?

– Оно уйдет, только и всего. А мы останемся. И будем дальше жить.

«Сделай наоборот», – всплыли в памяти слова матери.

Я подошел к столу, собираясь сесть, и лицо тетки заметно расслабилось.

– Вот и хорошо. Вот и умница. А через пару минут... – начала тетя Лида, но тут я внезапно выбросил вперед руку и схватил стоявший в центре стола бокал.

– Нет! – Она даже не закричала – взвизгнула. Лицо исказилось в уродливой гримасе. – Поставь на стол! Не смей трогать.

– Почему? – невинно спросил я и встал, крепко держа бокал в руке.

Тетя Лида тоже встала, протянула руку через стол, пытаясь дотянуться до меня, отобрать чашу.

– Поставь на место, Артем! Это же обряд! – Она пыталась говорить как обычно, но голос дрожал от ярости, которую не получалось скрыть. – Тут важны детали.

– И что же это за деталь? Та, которая позволит тебе скормить родного племянника мерзкой твари за окном?

Она взвыла не хуже, чем монстр во дворе. По лицу ее словно пробежали волны: оно то сморщивалось, покрываясь морщинами, то разглаживалось. Верхняя губа приподнялась, как у бешеной собаки, обнажая зубы.

– Ты уже ничего не сможешь изменить! Осталась всего минута! Поставь бокал, или мы умрем оба! Никого ты не спасешь! Твоя тупая мамаша...

«Сделай наоборот!»

Повинуясь инстинкту, я метнулся к окну, рванул на себя занавеску. Небо светлело – солнце готовилось выплыть из-за горизонта. За окном стояло и паялилось прямо на меня существо, которое, наверное, до самой смерти будет преследовать меня в кошмарных снах.

Высокая сутулая фигура, висящие вдоль костлявого тела руки-плети. Лысый череп, покрытое язвами плоское лицо с белыми глазами.

Не зная, что делать, я размахнулся и швырнул бокал в окно.

Мысль ошпарила меня: что, если оно меня обмануло, и звонила вовсе не мать? Но фарш обратно не провернуть, что сделано, то сделано.

За моей спиной раздался захлебывающийся, отчаянный вопль, больше похожий не на крик человека, а на верещание раненого зверя. Бокал разбился, а жидкость, что была внутри, попала на стекло, и оно стало оплывать, гореть, как бумага, расползаться в разные стороны. Посередине образовалась дыра, и в эту дыру просунулась бледная когтистая рука, вся в отвратительных струпьях...

Это было последнее, что я видел. Стены комнаты вдруг накренились, а пол начал надвигаться на меня. А потом все кругом почернело.

Я был уверен, что все для меня на этом свете закончилось, но, как оказалось, поторопился с выводом.

Спустя несколько часов я открыл глаза. Солнце уже всю заливало комнату жидким золотом. Затылок болел; наверное, будет шишка: ударился я неслабо, когда падал.

Я сел, потирая голову, и в двух шагах от себя увидел ее. Тетю Лиду.

Это должна быть она – больше некому, вот только женщина на полу ничем не напоминала статную, красивую, молоджавую тетю Лиду, которую я знал. Передо мной, раскинув руки, уста-

вившись в потолок слепыми глазами, лежала седая старуха с изъязвленным глубокими морщинами лицом и черным провалом беззубого рта. Желтая кожа, скрюченные пальцы, похожие на птичьи лапы, худое невесомое тело – то существо словно бы выпило ее жизнь, состарив тетю Лиду, превратив в мумию.

Только в этот момент я осознал, что все кончилось и я в самом деле сумел пережить ту страшную ночь.

Паразит

Воскресенье

«Волна жутких преступлений прокатилась по городу минувшей ночью. В своих квартирах были жестоко убиты и изувечены четыре молодых женщины, чьи имена в интересах следствия не разглашаются. По предварительным данным, жертвы не были знакомы между собой, занимали разное социальное положение, проживали в разных концах города. Объединяет их лишь крайне жестокий способ убийства. Установить, каким образом убийца проникал в квартиры жертв и покидал их, пока не удалось: помещения были заперты изнутри, квартиры находились на верхних этажах, пожарных лестниц не имелось. Как предполагают прибывшие на место преступле...»

Ведущая дневных новостей, скорчившая положенную скорбную мину, рассказывая о жутком преступлении, захлебнулась на полуслове. Картинка на экране погасла.

– Только и могут, что «предполагать», – пробормотал Артур, бросая пульт на диван.

Он вышел из душа, который приходилось принимать несколько раз в день, чтобы хоть как-то освежиться. Вторую неделю стояла одуряющая жара, от которой мозги плавилась, превращаясь в кисель. Артур задергивал шторы и включал старенький вентилятор, но тот только месил горячий воздух, не добавляя прохлады. А кондиционера не было.

Но будет, непременно будет, как и все остальное. Надо только подождать.

Артуру двадцать восемь, и жизнь свою он проводил в ожидании. То окончания школы ждал, то диплома о высшем образовании. Нашел работу в приличной, уважаемой фирме – и стал ждать, когда карьера стартанет вверх.

Нет, он, конечно, не просто ждал, а все делал, как надо: рано вставал, приходил в офис одним из первых, а уходил последним, усердно трудился, не отлынивал, не прогуливал, не отказывался работать сверхурочно. А еще уважал родителей, не перечил начальству, не хамил коллегам, не грубил девушкам...

– Ты слишком правильный, Арчи, – часто говорил Богдан, лучший друг со школьной скамьи. Ему нравилось звать Артура этим дурацким прозвищем. – Удача, она же как девушка: зануд не любит.

Самого Богдана девушки любили. А он, стремясь осчастливить как можно больше девиц, менял их так быстро, что, кажется, не успевал запомнить имен. Работал он удаленно: писал статьи на заказ, а главным делом его жизни был спорт. Он постоянно ходил то на футбол, то на легкую атлетику, а в последние годы увлекся бодибилдингом.

Тело у Богдана было, конечно, на зависть всем, особенно Артуру: излишне полному, рыхлому, совершенно не спортивному. Артур мечтал быть таким же привлекательным, уверенным в себе, ловким. Но был из тех, кто обычно придумывает остроумный ответ через час после окончания разговора; на ком любая вещь сидит так, словно куплена на распродаже в магазине секунд-хенд.

Однако мечты мечтами, а мотаться каждый день в спортзал, как выражался Богдан, «лепить себя», ограничиваться в еде, питаться полезными продуктами по расписанию... Нет уж, увольте. К такому Артур готов не был. Может, потому и проникся «Идеалом»: от него не потребуется никаких усилий, чтобы достичь цели.

Раздался звонок. А вот и он, «Идеал».

Артур открыл дверь и увидел взмокшего измученного курьера. Поколеси-ка по городу в такую духоту! Артур через Богдана уже все оплатил, поэтому сейчас ему оставалось только поставить подпись и забрать коробку. Можно было бы, конечно, чаевые парнишке дать, но Артур подумал об этом, когда курьер уже сел в лифт и уехал. То-то он сердито глянул на клиента: наверное, ждал поощрения.

Вернувшись в комнату, Артур поставил коробку на стол и, повозившись пару минут, открыл. Внутри лежали две баночки с завинчивающимися крышками – маленькая белая и большая оранжевая. К ним прилагалась короткая инструкция по приему, а больше в упаковке ничего не было.

Артур уже знал, как принимать пилюли: в первые два дня – выпить по две капсулы из белой банки, а с третьего – каждый день принимать по две пилюли из оранжевой. Курс – всего неделя.

– Тебе все привезут в воскресенье. Сразу начинай пить, – говорил Богдан. – Уже к следующим выходным станешь другим человеком.

Действие таблеток было поистине волшебным: ни много ни мало обещалась перестройка метаболизма. Артур смутно понимал, что это значит, но Богдан уверял, что препарат – бомба. Он нашел его в каком-то закрытом телеграм-канале для худеющих, качающихся, озабоченных своим внешним видом и спортивной формой людей. Проникся, поговорил с теми, кто пробовал принимать, потом с консультантом фирмы-производителя – и заказал. А потом уговорил Артура.

– Никакой химии, не волнуйся. Это БАД, а не лекарство. Все безопасно, не вызывает привыкания, курс короткий, в составе особые африканские травы, – соловьем разливался Богдан. – Новейшее средство.

По его словам, после короткого курса организм полностью перестраивается, а потом начинается сплошная сказка: выводятся излишки воды, жиры расщепляются, мышцы растут, иммунитет крепнет. И все это – на автопилоте и вдобавок пожизненно. Больше не нужно будет ни диет, ни изнурительных упражнений в спортзале. Гадкая гусеница, каковой считал себя Артур, сгинет – и миру явится прекрасная бабочка.

Богдан начал принимать препарат на прошлой неделе, так что сейчас уже завершил курс. В первые дни приема захлебывался от восторга, говоря, что эффект чувствуется сразу же, а потом уехал на сплав: чего, мол, в такой зной в городе торчать!

Артур поправил на носу очки, еще раз перечитал инструкцию, хотя знал ее наизусть, отвернул крышку. На ладонь выкатились две белые продолговатые капсулы. Овальные, гладкие, довольно-таки большие. Инструкция предписывала принять сразу обе, запив стаканом воды.

– Добро пожаловать в новую жизнь! – вслух громко проговорил Артур, забросил таблетки в рот и залпом выпил воду.

Прислушался к своим ощущениям, но ничего не почувствовал. Обидно будет, если это очередной развод для доверчивых лохов и лентяев, которым не хочется потеть в спортзалах и есть куриную грудку с овощами.

Артур уселся на диван с мобильником в руке. Собрался позвонить Богдану, сказать, что начал принимать препарат. Но телефон друга был вне зоны доступа. Ну да, конечно. Сплав. Связи там нет, Богдан предупреждал.

Чтобы чем-то себя занять, Артур принялся лазать по Интернету, зашел в Ютуб. Это, как известно, засасывает: переходишь с одного канала на другой, то тут что-то послушаешь, то там, глядишь – час пролетел.

Внезапно Артур понял: что-то происходит. Нет, не в комнате, не в окружающем мире – внутри него. По телу побежали волны: щекочущее, но в целом приятное ощущение. Кончики пальцев стало покалывать, кровь прилила к лицу. Одновременно с этим Артур почувствовал, что ему не хочется валяться на диване.

Он встал, стараясь точнее определить, что чувствует. Это было сродни эйфории, ощущению счастья – но не рассудительного, взрослого, а пьянящего, безбашенного и всепоглощающего, как в детстве. Почти забытого, но острого. Так Артур себя чувствовал, когда обнаружи-

вал под елкой именно тот подарок, который больше всего хотел получить. Или когда видел мать, которая пришла забрать его из садика раньше обычного.

Хотелось кричать во все горло, бегать по потолку, скакать и прыгать. Энергия переполняла его, чувство это усиливалось с каждой минутой. Артуру казалось, если он немедленно не примется расходовать неизвестно откуда взявшийся энергетический запас, то его просто разорвет изнутри. Но это не пугало, нет! Наоборот, радовало.

Артур побегал по комнате, а потом решил заняться делами.

Остановился только поздним вечером, когда на часах было одиннадцать. С удовлетворением и некоторым удивлением оглядел свою квартиру. Досталась она ему в прошлом году от бабушки, по наследству.

Однокомнатная, с маленькой кухней и крошечной ванной квартирка на верхнем, пятом этаже была заставлена старомодной мебелью, на полу лежал местами полысевший палас. Артур собирался выбросить старье, расчистить от завалов антресоли, вынести на мусорку палас, да все руки не доходили.

А сегодня дошли.

Пространство вокруг словно бы задышало – даже жара не так чувствовалась. Сколько хлама он выбросил, сколько места освободилось! А кроме всего прочего, Артур еще и ванную комнату вычистил, и кухню, и даже давно купленный линолеум положил, причем так у него ловко получилось, словно всю жизнь это делал, хотя прежде никогда ничем подобным не занимался.

«Другое дело», – подумал Артур, чувствуя, что ничуть не устал, даже не запыхался. Он бы сейчас запросто и обои поклеил, только их сначала купить надо.

Похоже, дело было в пилюлях, прежде Артур не ощущал ничего подобного. Все силы, что долго дремали в его организме, разом проснулись. Вот так средство – чудесное, просто фантастическое! Артур представил, как жир в его организме плавится, а мышцы гудят, растут, и засмеялся.

Есть, как ни странно, не хотелось ни капельки. Артур отправился под душ, потом выпил стакан кефира и лег спать. По телу все еще пробегали щекочущие искорки, но уже словно бы затухая. Артур закрыл глаза и почти сразу заснул.

Ему снилось, что он идет по улице, а люди оглядываются ему вслед, смотрят восхищенно, и девушки улыбаются кокетливо и призывно.

Понедельник

Хватило и нескольких часов сна, чтобы выспаться: Артур проснулся за час до звонка будильника, вскочил с кровати легко, чувствуя себя полностью отдохнувшим. Именно вскочил, потому что его снова переполняла кипучая, неукротимая жажда деятельности. Почистив зубы, принял очередную дозу лекарства. Белая баночка опустела, и он выбросил ее в мусорное ведро. С завтрашнего дня придет черед оранжевой.

Артур посмотрел на себя в зеркало: глаза блестели, а лицо, кажется, уже немного похудело. Впервые за долгие годы он был по-настоящему доволен собой, своим внешним видом. Квартира сияла чистотой после вчерашней уборки, а теперь Артур преисполнился решимости свернуть горы и на работе.

В офисе все ползали, как сонные мухи: невыносимая жара мешала трудиться, людям даже разговаривать было лень. И только Артура все это не касалось. За один день он сделал столько, сколько обычно успевал за неделю. Разобрал все бумажные завалы, довел до ума проект, с которым предполагал разобраться к концу месяца, выступил на совещании с предложением, а не отсиживался, как обычно, в сторонке, и начальник посмотрел на него с уважением и удивлением: прежде старательный, но застенчивый сотрудник блистал красноречием и пылал энтузиазмом.

В обеденный перерыв, наскоро перекусив, Артур успел прибраться в своем письменном столе и шкафу. Коллеги не скрывали недоумения, кто-то хмыкал за спиной Артура, кто-то завидовал.

«Ничего, привыкайте, – думал он. – Скоро и не такое увидите!»

Богдан все-таки молодец, отыскал суперсредство. Артур несколько раз пытался позвонить другу, но так ни разу и не смог дозвониться, телефон все время был отключен.

Из офиса Артур уходил последним. Он совершенно не чувствовал утомления и с трудом удержался от того, чтобы не начать вместе с уборщицей драить кабинеты: его бесило, как медленно и неохотно двигается эта женщина, как неаккуратно она моет пол и протирает пыль, хотя прежде ему было на это плевать.

До дому шел пешком. Отчасти потому, что не хотелось толкаться в душном автобусе, но в основном потому, что энергия, силы, переполнявшие его, требовали выхода. Добрался домой, когда уже стемнело, а когда вышел из душа, собираясь поужинать, услышал звонок.

Звонила мать. Судя по голосу, беспокоилась.

– У тебя все хорошо, Артюша? – спросила она. – Я сон плохой видела. Будто гроб несут, а я знаю, что там ты, а посмотреть боюсь. И плачу, плачу...

– Все у меня отлично, мам, – ответил Артур. – Не волнуйся. Это жара влияет. Как вы с папой?

– Ничего, – рассеянно ответила она, думая о своем. – Приехал бы хоть.

Родители-пенсионеры с мая по сентябрь безвылазно жили на даче, возились в саду, бились за урожай.

– Скоро приеду, обязательно, – пообещал он. – Может, на следующей неделе. Хорошо, что вы там: на природе зной легче переносится.

Мать принялась рассказывать про свои грядки, про соседей, а потом неожиданно перебила сама себя:

– Ты слышал, людей по ночам убивают? Прямо в домах. Вот сейчас отец по телевизору смотрит. Осторожнее там, Артюша.

– Так женщин вроде убивают, мне чего бояться? – Он вспомнил сюжет в новостях.

– Все шутишь! Окна закрывай на ночь, слышишь? – Голос матери звенел от тревоги. В последние годы она беспокоилась по любому поводу.

– Хорошо, мам. – Проще было согласиться, чем спорить. – Вы тоже себя берегите. Папе привет передавай.

Поговорив с матерью, Артур заставил себя поесть: положил на блюдце пару ложек творога, выпил стакан кефира. Аппетита со вчерашнего дня не было. Поднимаясь из-за стола, он почувствовал сонливость. Усталости не было тоже, но организм требовал сна, и Артур подчинился.

Лег в кровать, закрыл глаза. Ему казалось – или это было самовнушение? – что внутри него происходят невидимые, но ощутимые процессы. Организм менялся, становился сильнее, красивее, спортивнее. Предвкушая очередное чудо, Артур спросил себя: что принесет ему завтрашний день?

Вторник

В оранжевой баночке лежали большие круглые капсулы мандаринового цвета. Артур бережно взял одну, покатал между пальцев – пилюли были мягкими, словно внутри находилось желе.

Проглотить их было сложнее из-за формы, но Артур справился. Воды, правда, пришлось выпить больше, потому что таблетки не желали проваливаться.

Артур не спеша оделся и вышел из квартиры. Сегодня он не испытывал того прилива сил, что был вчера, но все равно чувствовал себя отлично. Придя в офис, немедленно окунулся в работу: писал отчеты, сверял цифры, чертил графики.

Время шло, примерно в районе одиннадцати Артур почувствовал, что хочет есть. Обычно он питался в кафе, что было в их бизнес-центре, ходил туда с коллегами, и сейчас не мог дождаться, когда наступит обеденный перерыв.

В животе урчало, словно он не ел несколько дней. Впрочем, подумалось Артуру, так и было: в последние два дня аппетита не было, ел он помалу и, скорее, потому, что так было нужно.

Сегодня же накатило просто зверский голод. Не в силах сдерживаться, он зашел в комнату отдыха, зная, что сотрудники часто оставляют там печенье для чаепитий, и съел полпачки принесенных кем-то крекеров.

Наверное, капсулы так действовали. По всей видимости, для нарастания мышечной массы было необходимо питание. С трудом дождавшись перерыва, изо всех сил стараясь соблюдать спокойствие и правила приличия, Артур вышел из кабинета, вместе с коллегами прошел по коридору, сел в лифт.

Вот и кафе. От запахов закружилась голова. Очередь! Боже, как назло! Лариса из планового отдела говорила что-то им с Борисовым, смеялась, задавала вопросы, и Артур был вынужден отвечать, улыбаться, обсуждать очередную придурь шефа, думая только о том, как получит свою порцию и усядется за стол.

– Солянку, двойное пюре, две котлеты, салат «Столичный», три пирожка и два чая, – заказал он.

– Ты на кого-то еще берешь? – пошутил Борисов, и Артур смущенно пробормотал, что сегодня не завтракал и потому хочет есть.

Заказанное еле поместилось на поднос. Дотасив его до столика, Артур принялся за еду, всеми силами пытаясь орудовать вилкой и ложкой помедленнее: Лариса и без того смотрела косо. Теперь расскажет всем, что толстяк Артур решил разжиреть еще больше.

Ничего, думал он, налегая на котлеты, скоро все увидят, как он изменится.

Вернувшись с обеда, Артур чувствовал себя удавом, проглотившим кролика. Однако ощущение сытости прошло уже через пару часов, и он мучительно ждал окончания рабочего дня, чтобы пойти в продуктовый магазин.

Сегодня он уже не задерживался на работе, умчался одним из первых, не обращая внимания на удивленные взгляды. А в магазине принялся швырять в тележку все подряд – сосиски, выпечку, овощи, консервы, молоко.

Дома ел много и жадно, благо что никто не видел, как он хватает и запихивает в рот все подряд. Где-то на периферии сознания возникла мысль, что это ненормально, но Артур отмахнулся от нее: Богдан говорил, организм начнет перестраиваться, к этому надо относиться спокойно.

Насытившись, Артур добрался до кровати и рухнул в нее, не раздеваясь. Заснул, кажется, едва успев закрыть глаза, как будто в яму провалился. А среди ночи пробудился – резко, внезапно, будто его пихнули в бок и велели просыпаться.

Что-то заскрипело, потом мужской голос пробормотал невнятную фразу, а следом раздался кашель. Звуки слышались отчетливо, совсем рядом, и Артур подпрыгнул на месте, включил свет.

Три часа ночи. Тихое, предрассветное время, когда все спят особенно крепко. Никого рядом не было, но тут Артур опять услышал скрип. Кто-то ворочался в кровати, покашливал... Соседи за стеной, кто же еще!

Но почему он слышит их настолько отчетливо, словно эти люди находятся совсем рядом, а не отделены от него кирпичной стеной? Никогда прежде такого не было.

Вздых, скрип пружин, кто-то нащупал ногой тапочки и встал с кровати, зашаркал по комнате... Звуки чужой жизни наполняли слух Артура, но это не раздражало, наоборот, восхищало.

– Ты чего не спишь, колобродишь? – спросил хриплый ото сна женский голос.

Шепотом спросил, но Артур услышал.

– Не спится, – буркнули в ответ.

Потом что-то зашуршало, женщина недовольно проговорила:

– С ума сошел? Через три часа на работу вставать. Спи давай, придурок.

– Ну и пошла ты, – обиженно проговорил мужской голос, а после все стихло.

Артур полежал еще немного и заснул.

Среда

– На девятой странице неточные данные. А в результате в отчете ошибка, причем грубая.

– Может, поправишь? – улыбочка у Семенова нахальная, на редкость противная.

– Это не входит в мои обязанности.

Семенов старался скрыть бешенство, но у него не вышло.

– Хорошо, я пересчитаю и исправлю. Давай отчет.

– Он у шефа, – невозмутимо ответил Артур. – Я передал ему и отметил, что это не в первый раз, но обычно я исправлял ошибки, а на этот раз решил поставить руководство в известность о некомпетентности сотрудника.

Семенов только что зубами от злости не скрежетал, а Артур торжествовал. Сколько крови ему попил этот Семенов! Безалаберный, тупой, рассеянный, при этом высокомерный и наглый. Он то и дело подначивал Артура, издевался, но ему не хватало духу поставить Семенова на место.

Однако сегодня...

Придя в офис, Артур сидел в своем кабинете, готовясь погрузиться в работу. С утра он встал на весы и обнаружил, что похудел на четыре с половиной килограмма, и это несмотря на то, что накануне много съел!

Мало того, мышцы подтянулись, тело словно бы подсыхало, избавляясь от излишней жидкости и жира: заметно сократилась дряблость рук и живота, лицо похудело, ноги казались более мускулистыми.

Артур принял пилюли, на которые смотрел со все возрастающим упоением, потом плотно позавтракал и взял с собой перекус, предчувствуя, что захочет есть до обеда.

Сидя в кабинете, Артур кожей, каждой клеткой ощущал пульсацию вокруг себя. До чего же поразительное чувство! Звуки, прежде скрытые, наполняли его голову, но это ничуть не мешало, не создавало хаоса и мешанины.

Он ясно слышал, как в бухгалтерии женщины обсуждают скидки в продуктовом магазине, а Лариса зашла к секретарше, и обе судачат о том, как умудрилась достичь таких высот популярности Ольга Бузова. Шеф ворковал по телефону с любовницей, и подробности их беседы заставили Артура покраснеть. Уборщица отчитывала курьера, который испачкал свежевывмытые полы.

Но самым интересным оказался разговор проклятущего Семенова с Ксюшей, девушкой из отдела маркетинга, которая нравилась Артуру, но к которой он не смел и близко подойти.

– Ты уже подготовил отчет? – удивлялась она. – И все проверил?

– Пускай жирдяй проверяет, – отмахнулся Семенов. – Там есть ошибка, в самом начале, на девятой, я нечаянно неправильные данные ввел, но пересчитывать неохота. Пусть жирдяй все пересчитывает, ему не впервой. А то ему же шеф и настучит по репе, если отчет будет с ошибками.

– Ловко ты устроился, – хихикнула Ксюша, и Артур понял, как сильно их ненавидит – обоих, не только Семенова. А еще понял, что Семенов должен быть наказан.

Вопреки ожиданиям, острого приступа голода (такого, как вчера) Артур не испытывал, так что до обеда доработал спокойно. Шеф похвалил его за внимательность и намекнул, что Артур может рассчитывать на должность начальника отдела: он, мол, давно за ним наблюдает и очень доволен качеством работы.

За десять минут до перерыва случилось страшное. Артур набирал текст на компьютере, вводил данные и внезапно обнаружил, что не видит написанного. Цифры и буквы расплывались перед глазами, вместо стройных рядов знаков Артур видел серое марево, испещренное точками.

«Господи, я слепну!» – сверкнула убийственная мысль. И без того зрение почти минус восемь, а теперь и вообще пропадает. Это «Идеал» виноват!

Артур в панике сорвал очки, принялся тереть глаза. Надо срочно к окулисту, может быть, еще можно что-то...

Мысль оборвалась. Артур открыл глаза и теперь смотрел на монитор, не веря тому, что видит. Потому что, во-первых, он видел, а во-вторых, видел отлично – так, как не видел с раннего детства, пока зрение не начало портиться. Очки больше не были нужны! Не смея поверить своему счастью, Артур подошел к окну.

Как всякий близорукий человек, он ничего не видел без очков, если смотрел вдаль, но теперь все изменилось. Стоя перед окном шестого этажа, Артур мог рассмотреть каждую деталь, которую ранее ни за что не увидел бы, даже будучи в очках.

Вот далеко внизу идут по тротуару парень с девушкой, он показывает ей что-то на экране смартфона – и Артур видел, что именно: фотографию рыжего кота с бантом на шее. Он видел надписи на футболках, которые сохли на балконе через улицу; крупную родинку на щеке женщины, которая подошла к двери банка...

Детали так и бросались в глаза, и снова, как в случае со звуками, это не мешало, не создавало путаницы, не отвлекало. Наоборот, вселенная поворачивалась к Артуру новыми гранями, сверкала красками, о которых он прежде понятия не имел. Он осознал, насколько неполной была до этого момента его картина мира, и засмеялся от счастья.

Когда они с Ларисой и Борисовым встретились в коридоре, чтобы, как обычно, пойти вместе на обед, Лариса сначала недоуменно посмотрела на Артура, а потом взгляд ее прояснился:

– Ты очки забыл. Думаю, что не так, непривычно тебя без них видеть.

– Мне больше не нужны очки, – отозвался он.

– Да? – Борисов оглядел его повнимательнее. – Операцию, что ли, сделал?

– Гомеопатия, – коротко ответил Артур. – Зрение восстановилось.

– А знаешь, – задумчиво проговорила Лариса, когда они ехали в лифте, – тебе идет без очков. Глаза красивые, ты как будто моложе стал. И вообще изменился. Похудел, построинел, да? – Она обратилась к Борисову. – Скажешь потом, что за гомеопатия. Мне тоже не помешает.

В обед Артур не сумел проглотить ни ложки. Есть хотелось – не сильно, но ощутимо. Но вместе с тем на приготовленную поварами еду он смотреть не мог. От салата тошнило, суп казался помоями. Кое-как пожевав котлету, Артур бросился в туалет и все выплюнул: отвратительно, неужели он мог такое есть?!

– Чего это с ним? – спросила Лариса, когда он выбежал из-за стола.

– Может, несвежее попало? Или желудок скрутило?

Артур вышел из туалета. Люди кругом работали челюстями, жевали и глотали, говорили, смеялись. На него накатывали волны звуков, которые он воспринимал обострившимся слухом; Артур смотрел на мужчин и женщин, которых видел каждый день и которые сейчас казались

ему другими, потому что он только сегодня разглядел их по-настоящему. Поры на коже, цвет глаз, плохо покрашенные пряди, пятнышки на одежде...

У него слегка закружилась голова, но не от обилия ощущений, а от голода. Нужно поесть: такое впечатление, что он тратит много энергии, а восполнить ее не может. Артур хотел есть, но никак не мог понять, чего именно хочет.

Остаток дня прошел будто в тумане: он работал, чтобы отвлечься, радовался тому, что прекрасно видит без очков, подслушивал, что говорят коллеги, пытался сообразить, чем бы ему поужинать.

Так и не решив, пришел в супермаркет и стал просто бродить между рядами, прислушиваясь к своему организму. Сладкое, овощи, фрукты, колбасы, сыры, любые молочные продукты вызывали брезгливость и тошноту. Только дойдя до холодильников с мясом, Артур понял, что ищет. Он скупил все, что видел: печень, свиной фарш, говядину, а придя домой, чувствуя, что захлебывается слюной, вскрыл первую попавшуюся упаковку.

Печень пахла восхитительно: густой, немного сладковатый запах щекотал ноздри. Но при одной лишь мысли о том, что нужно нарезать ее на куски и бросить на сковороду, его снова замутило.

Не успев отдать себе отчета в том, что делает, Артур вцепился в кусок печени зубами. Он ел, ощущая живительный вкус, чувствуя, как по подбородку стекает кровь, и понимал, что никогда не пробовал ничего вкуснее. Какой ошибкой было жарить или варить мясо – это ведь сразу отбивало его истинный превосходный вкус!

Вся прочая еда была либо искусственной, либо совершенно не подходящей ему теперешнему. Только сырое мясо поможет нарастить мышцы, получить все необходимые минералы и витамины, придать сил и энергии – какие могут быть сомнения? Вся полнота жизни была в этом вкусе, и Артур понимал, что больше никогда не сможет есть ничего другого.

Четверг

Оранжевые капсулы пахли морем. Соленой морской водой, рыбой, извивающимися, как змеи, коричневыми водорослями... Запах не был противным, гадким, отнюдь нет, он навевал мысли об огромных глубинах океана, о тайнах и загадках подводного мира.

Артур ощутил этот аромат, когда принимал очередную порцию пилюль. Раньше он не чувствовал никакого запаха, капсулы не пахли ничем. Осознав этот факт, с восторгом понял, что перед ним открылась еще одна возможность познания мира: через обоняние!

«Идеал» делал его идеальным: зрение стало орлиным, слух обострился, а теперь вот Артур начал воспринимать палитру запахов. Со вчерашнего дня он похудел еще на три килограмма, тело стало еще более поджарым, а лицо – четко очерченным.

Что же касается слуха, то он обострился сильнее, хотя, казалось бы, куда уж больше? Но теперь Артур слышал не только разговоры людей на соседних этажах, не только то, как они ходят, почесываются, занимаются сексом, зевают, как бурчит у них в животах.

С недавних пор Артур слышал и то, как ползает по оконному стеклу муха, как шуршат, перебирая лапками, тараканы в квартире алкоголика на первом этаже, как потрескивают стены дома: он знал теперь, что статичность – это иллюзия, все кругом движется, как движутся атомы, из которых состоят предметы и вещи.

Нереально обострившаяся чувствительность ничуть не удивила. Артур понял, что превращается в суперчеловека, а разве не к этому он стремился?

Артур впитывал тончайшие оттенки ароматов и радовался этому, как ребенок, хотя они не всегда были приятны. Мужчина в лифте пару дней назад ел чеснок, и кожа продолжала источать его запах. В комнате отдыха витал аромат антисептика, который вчера добавляли в воду для мытья полов, причем налили меньше, чем следовало. Через флер Ксюшиных духов пробивался запах пота, не ощутимый для обычного человека, но Артур больше не был обычным.

Настроение было отличное, работа кипела в руках, а когда ненавистный Семенов попытался подколоть Артура, тот отбрил его парой остроумных фраз, и гад убрался в свой кабинет, шипя, но не решаясь возражать. Артур слышал, что шеф собирается уволить Семенова за профнепригодность.

Ксюша смотрела с восхищением, но была уже не интересна Артуру, и он отвернулся от нее. На обед не пошел, сказав Ларисе и Борисову, что принес еду с собой.

– Микроволновка не работает, – предупредила Лариса, и Артур кивнул, думая, что большой кусок сырого мяса, сдобренного красным перцем, который он принес в контейнере-холодильнике, не нуждается в том, чтобы его разогревали.

Он уже поел, когда узнал жуткую новость. Точнее, две новости. Первой было очередное убийство в одном из районов города, почти на окраине. Снова жертва находилась в запертой изнутри комнате, снова никаких следов и запредельная жесткость: несчастной просто вырвали горло.

А вот вторая новость окончательно выбила Артура из колеи, потому что касалась Богдана. Статья под кричащим заголовком «Обнаружены обезглавленные тела растерзанных возле реки туристов» бросилась в глаза сразу же. Богдан отправился на сплав как раз туда!

Артур читал, чувствуя, как его начинает колотить дрожь. Группа туристов – четыре девушки и трое парней – отправились в свой последний поход в прошлую среду. Через три дня они перестали выходить на связь, но никто из родных и друзей не запаниковал: туристы предупредили, что будут находиться в местах, где недоступны мобильная связь и Интернет.

Однако, когда к воскресенью молодые люди не вернулись, родственники забили тревогу. И не напрасно. К тому моменту, как тела несчастных обнаружили, они были мертвы уже более пяти дней. На трупах нашли множество ран и повреждений; следствию предстояло выяснить, какие из ран стали причиной смерти, а какие были нанесены дикими животными уже после гибели туристов.

Самым жутким оказалось то, что мертвецы были обезглавлены (головы пока так и не обнаружили), свалены в одну кучу и буквально разорваны в клочья. Это было настоящее месиво из тел, так что предстояло идентифицировать, как выражались специалисты, «кому конкретно принадлежат те или иные фрагменты».

На экране перед Артуром появились фотографии участников сплава, среди них – Богдан. Красивый, обаятельный, улыбающийся...

Артур не мог переварить случившееся, осознать, что друга больше нет в живых. Только что он восторженно рассказывал о чудодейственном препарате (теперь Артур отлично понимал и разделял его восторг), а спустя всего несколько дней то, что осталось от Богдана, изучают судмедэксперты. «Идеал» сделал его прекрасным, особенным, выносливым, но не смог уберечь от страшной смерти.

– Ты слышал уже? – В кабинет заглянула бледная, как простыня, Лариса. В глазах ее дрожали слезы. Она знала Богдана (тот приходил на работу к Артуру) и, как почти все девушки, была им очарована. – Господи, какой ужас.

Артур едва нашел в себе силы кивнуть, отметив про себя, что Лариса ела на обед тушеную рыбу с картофельным пюре и салат из моркови, пила компот из сухофруктов.

Шеф отпустил потрясенного Артура пораньше, и он поехал к родителям Богдана. Те, пребывая в полной прострации, кажется, не поняли, кто он такой, зачем приходил. Мать все время плакала, отец сидел с застывшим лицом. Богдан жил отдельно, и Артур, уходя, сам не зная зачем, прихватил висящие на гвоздике в прихожей запасные ключи от его квартиры.

Дома он не находил себе места. Поел, попытался читать, полазал по Интернету. Потом почувствовал, что вымотан до предела, лег на диван, свернулся калачиком, подтянув колени к груди.

Уже засыпая, Артур подумал о том, что стал спать гораздо больше. Как медведь, что всю зиму видит сны в берлоге. Или как окуклившаяся гусеница, которая готовится выпорхнуть из кокона бабочкой. Хотя Артур в точности не знал, спят ли гусеницы. Отмахнувшись от нелепой мысли, он провалился в сон.

Пятница

Проснувшись, Артур полежал с закрытыми глазами, вслушиваясь в то, как мир вокруг живет и дышит: каменный дом, наполненный людьми, которые находились в своих квартирах, словно карандаши в пенале; город за окном – шорох шин, редкие голоса прохожих, урчащие автомобильные двигатели.

Артур открыл глаза. Как оказалось, в темноте он видел так же ясно, как и днем, ничуть не напрягаясь при этом. Он глядел в ночь, как хозяин, ощущая себя в своей стихии.

Ему не надо было смотреть на циферблат, чтобы понять, который час, он безошибочно определял время – это была еще одна пробудившаяся в нем способность. Артур знал: сейчас полночь или около того.

Так и есть, часы показывали десять минут первого. Тело Артура было натянутым, звенящим, как гитарная струна, оно требовало движения, его переполняла сила. Он пружинисто поднялся с дивана, ощущая, что теперь совсем иначе перемещается в пространстве: движения стали точными, сосредоточенными, ловкими.

Артур пошел в ванную, умылся, пристально осмотрел свое осунувшееся лицо. Кожа на лице и теле казалась чуть натянутой, напряженной, как будто готова была лопнуть, и слегка чесалась, но это было даже приятно.

Проведя рукой по голове, Артур, к своему удивлению, обнаружил на ладони несколько выпавших волосков. Ладно, ничего. Он теперь ест только мясо, наверное, каких-то витаминов все-таки не хватает.

Внезапно Артур понял, зачем проснулся среди ночи. Ему казалось, стены давят на него, было тесно и душно в сонной крохотной квартирке. Надо пройтись, решил он, направляясь к двери, и, как был в домашней футболке и шортах, вышел на улицу.

Ночь была прекрасна. Дневная жара спала, прохладный воздух охлаждал кожу. Людей на улицах почти не было; по дорогам, простреливая тьму светом фар, проезжали редкие автомобили. Артур вдохнул полной грудью, вбирая в себя запахи, чувствуя себя повелителем, который все слышит, видит, ощущает не так, как жалкие людишки в домах-клетках.

Артур двинулся быстрым шагом, потом перешел на бег. Бежал легко, высоко отрывая ступни от земли – он и не подозревал, что так умеет; каждой порой и клеточкой ощущая, что бег делает его свободным. Мчался быстро, но ничуть не уставал, даже дыхание не сбивалось. Кажется, запросто мог бы добежать и до другого конца города, и до дачного поселка, где жили родители, но тут...

Каким-то глубинным чутьем Артур осознал, что бежит не просто так. С самого начала это была никакая не пробежка – это охота. Он бежит не бездумно, но преследуя в ночи жертву!

Какую?

Артур втянул носом воздух, ощутив запах шерсти, мяса, собачьего корма, шампуня от блох, а еще – отчаяния и растерянности. Где-то в парке, куда забежал Артур, находилась собака. Хозяина рядом не было. Возможно, собака потерялась, или, может, ее выбросили, это не имело значения.

Он повертел головой, четко выбирая направление, и побежал в нужную сторону. Минута – и вот он, этот комок шерсти. Бело-рыжая кудрявая псина непонятной породы сидела возле лавки. Собака оказалась довольно крупной, при приближении Артура она поначалу оскалила клыки и зарычала, но уже через секунду поджала хвост, заскулила, припав к земле и не делая попытки убежать. Ко всем прочим запахам примешался ядреный, горький запах страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.